

В этой подборке – статьи Л.А.Морщихиной:
«Военная деятельность Антуана Сен-Жюста»
«О принципах управления "идеального государства". Эгалитарная утопия якобинской диктатуры»
«Утопия и Великая французская революция. "Фрагменты республиканских установлений" ("Les Institutions republicaines. Fragments") А.Сен-Жюста как характерный пример утопического творчества XVIII века»
«"Южное открытие" Ретифа де ла Бретона»
«Эволюция взглядов Франсуа Фюре на Великую Французскую революцию»

На момент первой интернет-публикации статей Морщихина Лариса Александровна - аспирант кафедры философии Поморского государственного университета, научный руководитель - д.ф.н. проф. Опенков М.Ю.

В 2004 г. Л.А.Морщихина защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук. См. в сети автореферат: «Классические и неклассические утопии в контексте социально-философских исследований» (<http://lib.pomorsu.ru/contentfull/Avtoreferats/Morschikhina.pdf>).

Материалы были подготовлены для веб-публикации и размещены, по согласованию с автором, на сайте «Великая французская революция» Юрием Карякиным (СПб) в 1999-2003 гг. Данный файл в библиотеке [Vive Liberta](http://vive-liberta.org) является копией, в которую мы внесли некоторые тематические ссылки.

Лариса Александровна Морщихина

ВОЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АНТУАНА СЕН-ЖЮСТА

Статья поступила для публикации на сайте 5 августа 2000 г.

Великая французская революция произвела коренные изменения во всей общественно-политической жизни страны. Не стала исключением и армия. К этому времени относится создание нового, революционного войска и новых принципов ведения войны. Большое значение в этом процессе сыграла военная деятельность Антуана Сен-Жюста - депутата Национального Конвента. Именно он стал основателем института комиссаров, проводником социальных реформ в армии, вместе со своими коллегами целенаправленно обеспечивал ведение военных действия. Однако, она же способствовала созданию легенды о Сен-Жюсте. Блеск его прокламаций, быстрота, с которой он принимал решения, непримиримости в принципиальных вопросах, быстро восстановленное положение сил армии - все это содействовало тому, что еще при жизни имя Сен-Жюста было окружено ореолом славы и легенды. Историки, вместо того, чтобы обратиться к документам, полагались на предания, еще более преувеличивая и усиливая их. Например, у Мишле можно прочесть: "Сен-Жюст явился не как народный представитель, а как король, как бог. Облеченный огромной властью над двумя армиями и пятью департаментами, он казался еще более величественным и отважным, чем был на самом деле. Во всем, что он писал или говорил, в самых незначительных его поступках, во всем проявлялся герой..."(1) Героем сделали Сен-Жюста и отечественные историки, так сказать, "рыцарем без страха и упрека". А был он, однако, не богом и не тираном, а последовательным революционером, согласовывавшим свои действия со своими принципами, человеком решительным, часто беспринципным. Ему, как и всем свойственно было ошибаться, и промахи не проходили даром. Сен-Жюст остался сыном своего времени и не к чему делать из него легенду, даже если его действия и идеи послужили в будущем обоснованию "сталинскому терроризму XX века" (2) (по Камю) или учреждению института комиссаров в Советской армии.

Когда в 1792 году началась война, в Европе господствовало мнение, что французская армия будет разбита мгновенно, а прусским и австрийским солдатам предстоит лишь приятная прогулка по Франции. Никто не предвидел, однако, что эта война продлится без перерыва 23 года, и что прежде чем Франция будет побеждена, ее армия побывает чуть ли не во всех столицах Европы.

Плохое мнение о французской армии было основано главным образом на опыте Семилетней войны, когда она действительно показала себя совсем не с лучшей стороны. Армия тогда состояла из линейных войск, служивших по найму и рекрутов, причем последние набирались как среди французов, так и среди иностранцев. Низшую часть офицерского корпуса составляли люди, умеющие руководить и прошедшие специальное обучение. Слабой стороной армии было высшее командование. Его составляли люди, совершенно не знакомые с военным искусством и обязанные своим назначением исключительно милостям двора. Также была распространена система покупки офицерских должностей. В 1781 году вышел приказ, по которому все лица недворянского, "низкого происхождения", изгонялись из офицерского состава. Исключение составили только артиллерийские и инженерные войска, в которых часть офицеров составляли выходцы из буржуазии, имеющие специальное военное образование.

Накануне Революции во Франции была предпринята реформа с целью разделения страны на 17 военных округов, а всей армии на 21 дивизию с постоянным штатом и составом штаба. Кроме того, были введены весьма совершенные для того времени ружья с изогнутым прикладом вместо прямого и усовершенствована артиллерия, начали использовать облегченные лафеты для лучшего маневрирования в бою. Однако, к 1789 году реформы не были завершены.

С Великой французской революцией связано создание массовой буржуазной армии. В первый период Революции (1789-1792) - продолжала существовать королевская наемная армия, а провинциальные войска упразднили в марте 1791 года. Была ликвидирована и королевская гвардия.

Уже в 1789 году революционерами создается своя Национальная гвардия. В первые месяцы она лишь поддерживала армию в ее борьбе с грабителями и помогала в охране хлебных сборов, направлявшихся в города.

Декрет от 1 января 1791 года уничтожил особое название частей и упразднил разницу между французскими и иностранными полками. Чтобы увеличить состав и обеспечить постоянное пополнение линейных войск, декрет от 28 января ввел добровольный набор 1000 тыс. вспомогательных войск *auxiliaires* предназначенных для того, чтобы пополнять ряды армии по мере необходимости(3).

Национальное собрание довольно благосклонно смотрело на распространение революционного духа в армии. После попытки бегства Людовика XVI, эмиграция офицерства, особенно высшего, лишила армию почти всего командного состава, а солдаты освободились от присяги в верности монарху. В сентябре 1791 года был издан декрет о замещении офицерских должностей. Низшие офицеры заменялись унтер-офицерами. Произошло частичное замещение и высших должностей примкнувшими к революции офицерами(4).

Военная угроза со стороны Австрии и Пруссии в сентябре 1791 года вызвала необходимость значительно увеличить численность армии путем создания "национального батальона волонтеров" - постоянной добровольной армии. Волонтеры вербовались на один год, с каждым из них заключался контракт. Их организация ограничивалась батальонами и ротами. Волонтеры служили только в пехоте.

Произошло и новое разделение армии. Декрет от 14 декабря 1791 года разделил Восточный фронт на Северный, под началом графа Рошамбо, Центральный маркиза Лафайета и Рейнский Люкнера. 20 апреля 1792 года Национальное собрание объявило войну королю Венгрии и Богемии. Молодой революционной армии предстояло доказать на деле, чего она стоит. И первый опыт оказался таким печальным, какого не ожидали даже самые мрачные пессимисты. Во время атаки солдаты неожиданно с криками об измене бросались назад, оставив неприятелю запасы вооружения и провианта. Над военной дисциплиной необходимо было еще много работать.

Дела на фронте шли все хуже и хуже. В начале июля 1792 года на Рейне появилась прусская армия под командованием герцога Брауншвейгского. Вместе с ней шел корпус французов-эмигрантов во главе с принцем Конде. Австрийские силы в Бельгии значительно выросли. Люкнер отводит Рейнскую армию к Лиаллю и Валансьену. К немецким державам присоединилось также Сардинское королевство и двинуло войска к французским границам. Над страной возникла непосредственная угроза интервенции. В связи и этим, 11 июля 1792 года Национальное собрание приняло декрет, объявляющий, что отечество в опасности(5). Все граждане, способные носить оружие и служившие в Национальной гвардии по этому декрету были объявлены в состоянии постоянной активной службы. 30 июля 1792 года герцог Брауншвейгский покинул Кобленц и повел войска коалиции к французским границам, ядро его войск составляла прусская армия,двигающаяся к приграничным крепостям Лонгви и Вердену с тем, чтобы, взяв их, начать наступление на Париж. На правом фланге находились войска австрийского генерала Клерфэ, наступавшие на Седан. На левом фланге союзной армии действовал корпус князя Гогенлое, наступавший на Мец и Тионвиль. Французские войска, стоявшие на границах (армии Люкнера, Лафайета, Бирона), не уступали войскам коалиции ни в численности, ни в вооружении (ок.78 тыс.), но были дезорганизованы отступлениями и бегством многих офицеров. Новым командующим Дюмурье и Келлерману требовалось время, чтобы перегруппировать свои силы и навести хотя бы элементарный порядок в частях. Однако, почти сразу "фейянский" муниципалитет города сдал врагу Логви, почти то же произошло и с Верденом.

Жирондистское правительство решило перенести местопребывание собрания и королевской семьи в Тур или Блуа, но Национальное собрание поддержало Дентона, решив защищать Париж любыми средствами.

Созыв Конвента и провозглашение республики совпали с полным провалом австро-прусского похода на Париж, принятого с целью восстановления абсолютной монархии во Франции.

Когда капитуляция Лонгви и Вердена открыла неприятелю дорогу внутрь страны, революционная армия поспешила ему навстречу. Главным объектом прусского нападения, начавшегося 20 сентября, стала армия Каллермана, занявшего выгодные в тактическом отношении позиции на линии высот восточнее небольшого поселка Вальми, откуда ее не смогли выбить. Через десять дней прусская армия, у которой кончились продовольствие и боеприпасы, была вынуждена начать отход к границам.

Через 2-3 недели сдали без боя Верден и Лонгви. Генерал Монтескью в сентябре и октябре завоевал Савойю. Для наступления в области Верхнего Рейна была создана Вогезская армия во главе с генералом Кюстином, ветераном Семилетней войны и войны за Американскую независимость. Она заняла Шпеер, Вормс и Майну. Дюмурье вел наступление на Бельгию, которую занял 28 ноября 1792 года.

Так кончился первый период войны. Французские солдаты справились с теми задачами, которые возложила на них история. Тем не менее, организация армии оставляла желать еще очень многого. Все это великолепно понимали генералы и военные министры. Нужно было что-то предпринять, чтобы солдат, способных на внезапный порыв, умеющих неожиданным натиском опрокинуть врага, брать крепости и завоевывать целые страны, превратить в грозное войско, способное побеждать всегда. Когда в Париже начали об этом думать, то все чаще и чаще стали возвращаться к мысли, которая когда-то возникла в Национальном собрании. Нарбонн тогда выдвинул идею слить старые линейные полки с волонтерскими батальонами. Чтобы лучше управлять всеми военными делами, Конвент создал специальную комиссию (Комитет общей защиты), которой были поручены вопросы обороны. 28 января 1793 года Сен-Жюст впервые участвовал в прениях по этому вопросу в Конвенте. Выступая, он предостерегал правительство от чрезмерного усиления и автономизации военной власти, заявив, что неограниченное могущество полководца может стать губительным для республики. Он утверждал, и Конвент согласился с его мнением, что "в стране должна быть одна воля - воля избранных нации, по отношению к которой любая военная администрация и военная власть лишены подчинения инстанции, обязанная безусловным повиновением суверену"(6).

7 февраля в Конвенте выступил председатель Комитета защиты с предложением амальгамы. 12 февраля Сен-Жюст с трибуны Конвента поддержал и развил эту идею. Он предложил, чтобы два батальона волонтеров объединились с одним линейным в полубригаду, в которой солдаты выбирали сами до 2/3 командиров. "Если мы обратимся к принципу, обосновывающему право солдат на выборы, то он таков: никто, кроме самого солдата не оценит лучше поведение, отвагу и характер тех, с кем он служит"(7). По мнению Сен-Жюста, волонтеры должны передать линейным гражданскую доблесть, получив взамен мастерство и дисциплину: "Победа зависит от республиканского духа армии. Единство республики требует единства армии: у Родины только одно сердце..."(8). Эта речь была восторженно принята, докладчика отметили и оценили. При первой же возможности его использовали для ответственного поручения, связанного с войной. 24 февраля Конвент объявил призыв 3000 тыс. бойцов. Набор распределялся по департаментам. Хотя он считался добровольным, последние отвечали за число бойцов и в случае нехватки должны были восполнить ее. Можно было заранее предположить, что при наборе возникнут трудности. Чтобы сломить сопротивление департаментов, Конвент послал туда своих членов, облаченных весьма широкими полномочиями. В их числе оказался и Сен-Жюст, а его напарником стал Ж.Девиль, старый знакомый, у которого Антуан жил во время учебы в Реймсе. Они выехали из Парижа 9 марта. Заночевав в Шато-Тьерри, комиссары рассчитывали через Реймс добраться до Ретеля, оттуда через Рокруа и Живе спуститься в долину Мааса и проехать вдоль линии Шарлевиль - Мезьер - Седан. Это познакомило бы их с ходом набора волонтеров и ввело в курс дела относительно других проблем: подготовки крепостей, снабжения армии и т.д. Всего этот департамент должен был поставить 2966 бойцов из шести дистриктов: Шарлевиль, Гранпре, Ретель, Рокруа, Седан и Вуазье, пропорционально населению каждого из них. Проехав через Рокруа, Живе и Ретель, комиссары увидели, что набор произведен, но нет оружия и не хватает снаряжения. "Молодые люди рвутся под знамена, а их еще нет"(9), - говорил комиссарам мэр Ретеля. А затем Сен-Жюст и Девиль обнаружили, что с продовольствием дела обстоят еще хуже. Ретелуа и Порсьен славились раньше своим животноводством, а теперь домашней птицы не было почти совсем, скотина тощей и малочисленной, а ее хозяева выглядели еще хуже. В Живе крепость оказалась неготовой к обороне. Большинство укреплений, скрытых прежде, не были восстановлены. Гарнизон утратил боевой вид, караульная служба отсутствовала, всюду попадались пьяные солдаты и офицеры. Начальник гарнизона и комендант крепости вели себя вызывающе и заявили, что выполняют приказ военного министра Бернонвиля и главнокомандующего генерала Дюмурье(10). Позднее в Эльзасе Сен-Жюст за подобное поведение будет приказывать расстреливать таких людей перед строем без суда и следствия. Но сейчас, несмотря на свои полномочия, он не принял никаких дисциплинарных мер ни в Живе, ни в Мезьере, ни в Седане, где столкнулся с подобными фактами.

Тем временем до комиссаров дошли известия из других департаментов: в Вандее вспыхнул контрреволюционный мятеж, в Маникуле были зверски замучены 500 национальных гвардейцев и мирных жителей, сочувствующих революции. В Страсбурге ассигнаты упали почти до половины нарицательной стоимости. В Лионе открыто готовилась гражданская война: был закрыт местный якобинский клуб, разрушена статуя и сожжено "дерево свободы". 20 марта комиссары прибыли в Гранпре. Там их миссия оказалась неожиданно прервана. От толп беженцев они узнали о поражении республиканской армии 18 марта под Кирвенденом. 1 марта австрийский главнокомандующий герцог Кобургский нанес неожиданный удар по французам в районе Рура. И республиканская армия стала отступать по всему фронту. В короткий срок была оставлена Голландия и значительная часть Бельгии. Война стремительно возвращалась к рубежам Франции. Сен-Жюст и Девиль решают прервать миссию и вернуться в Конвент.

Возникает вопрос: почему тот, кого историки окрестили "человеком действия" не провел в Арденнах почти никаких мероприятий, за исключением разрешения на продажу неиспользованного зерна из хранилищ эмигрантов? Но надо учесть, что правительство жирондистов, державшее в своих руках Комитет обороны, отправило его с миссией, скорее всего только потому, что за предыдущие месяцы он стал видным политическим деятелем и пренебречь этим не было возможности. И хотя у Сен-Жюста в руках были большие полномочия, любой неосторожный шаг, смещение с должности, арест будут инкриминированы ему как проявление анархии, самоуправства и диктатуры. Именно в таких тенденциях жирондисты уже обвинили Робеспьера и Марата. Пока же Сен-Жюст мог только накапливать факты и впечатления для будущих решительных действий.

Поражение французских войск в Бельгии и на Рейне сильно скомпрометировали жирондистов, которые больше всех шумели о "революционной войне", а на деле оказались совершенно неспособными ее вести. Позиции Жиронды и в Конвенте, и в стране пошатнулись.

Из миссии Сен-Жюст с Девилем вернулись 31 марта, а 4 апреля Конвент принял на себя управление армиями и послал на фронт 8 комиссаров с широкими полномочиями: они были обязаны подготовить крепости к обороне и установить контроль над генералами. Дюмурье, после того, как выяснилось, что он вел тайные переговоры с австрийцами о сдаче, бежал и остаток жизни вынужден был скитаться. Бернонвиль на посту военного министра был заменен Бушоттом, человеком трудолюбивым и преданным революции.

А тем временем все больше разрастался роялистский мятеж в западных департаментах, делая и без того тяжелое положение республики еще более затруднительным. Убийство Марата 13 июля 1793 года стало сигналом к общей атаке на врагов. Судьба республики решалась в Военной секции, куда был включен и Сен-Жюст. В тот день, когда в Париже хоронили Друга Народа, в мятежном Лионе жирондисты казнили вождя местных санкюлотов Ж.Шалье. Роялисты Вандеи одержали победу у Вье и угрожали Анжеру. Англичане готовились к осаде Дюнкерка. Австрийцы взяли Конде и рвались к Валансьену. В районе Альп завершилась оккупация Савойи. На Пиренейском фронте испанцы приближались к Байоньи и Пертеньяку. Угроза внешнего удушения становилась реальной.

Когда Сен-Жюст был включен в состав членов Военной секции, он не обладал специальными военными знаниями. Служба в Национальной гвардии Блеранкура, постоянное общение с волонтерами, кратковременное сотрудничество с Комитетом общей защиты, миссия в Арденны хотя и многому научили, но специалистом сделать его не могли. Теперь, нуждаясь в подробных и точных сведениях, Сен-Жюст занялся сбором и изучением самых различных материалов, имеющих отношение к войне. Дельма и Делакура оставили дела в запущенном состоянии. Сен-Жюсту пришлось работать вместе с Гаспареном, профессиональным солдатом старой армии, генералом Кюстином, Эро де Сешеллем, Р.Ленде, Бушоттом, человеком простым, дельным и решительным, Ж.Гато, с которым вместе учился в Реймсе и В.Добиньи. А Лазар Карно направлял действия Комитета и не раз потом они столкнутся с Сен-Жюстом(11).

Дело на фронтах летом 1793 года обстояло следующим образом: вдоль северной границы силам австрийцев, ганноверцев и гессенцев (118 тыс.) противостояли республиканские Северная и Арденнская армии. После измены Дюмурье, вместе взятые, они насчитывали 22 тыс. человек. Весенний и летний наборы увеличили их до 108 человек. Однако, исключив больных, штрафников, отпусников и занятых на вспомогательных работах, можно было располагать всего 50 тысячами. При этом необходимо было учитывать значительную протяженность фронта. На востоке положение было другим. Здесь 84 тыс. прусских и австрийских войск имели против себя Рейнскую и Мозельскую армии в количестве 183 тыс. человек. Вызывало удивление, что в марте генерал Кюстин, командующий Восточным фронтом, хотя его силы по численности не уступали врагу, вдруг бросил склады в Рингене, Кренцнахе и Вормсе, быстро отступил к Ландау, предоставив врагам возможность осадить Майнц. После этого провала Кюстина перевели на Северный фронт и он попытался спасти Майнц, оголив границу, после чего Сен-Жюст поставил вопрос о Кюстине на первом же пленарном заседании. Дело было вынесено в Конвент и 22 июля Кюстин был арестован(12). Это

стало первой победой Сен-Жюста в Комитете общественного спасения (КОС), где он показал незаурядную эрудицию, умение выделить главное, способность четко аргументировать свою мысль. А 23 июля пал Майнц, 28 - враг овладел Валансьеном. Гаспарен подал в отставку, на его место в КОС был назначен Максимилиан Робеспьер.

В конце июля - начале августа 1793 года внимание Конвента было приковано к Северному фронту. Именно через Валансьен герцог Кобургский мог осуществить прорыв фронта и выйти на самую короткую дорогу к Парижу. Еще раз пересмотрев все планы и карты, Сен-Жюст пришел к выводу о необходимости перевода сил с Восточного фронта на Северный. Конвент одобрил это решение(13). Переброску осуществили 9 августа, увеличив армию на 20 тыс. человек.

Сен-Жюст пришел в военную секцию в период отсутствия необходимых контингентов в армии, кризиса командования и хронической нехватки продовольствия. "Человек дела", он старался вести и соответствующую политику: смелость и осмотрительность, решительность в нанесении удара при полном учете ресурсов. "Только дерзость в сочетании с мудростью создают искусство побеждать", - говорил он(14).

25 сентября член Комитета военный инженер Карно отправился в длительную миссию на Северный фронт. Руководство военной секцией перешло к Сен-Жюсту. Меры, проведенные им, приостановили наступление Кобурга и герцога Йоркского, а Карно начал успешно закреплять первые достижения новой военной стратегии КОС. Мятеж в Кольвадосе был подавлен еще в конце лета, тогда же революционные войска вступили в Авиньон и Марсель. 16 сентября был взят Бадо. Но Лион продолжал сопротивляться, Тулон сдался англичанам, а потом прошли сентябрьские волнения.

К этому времени КОС и военный министр Бушотт осуществили ряд мероприятий по реорганизации и укреплению армии: закон от 23 августа о массовом наборе обеспечил и неуклонный рост численности армии(15), по инициативе Карно были значительно увеличены кадры кавалерии и артиллерии, что сделало войска более маневренными и усилило их огневую мощь. Были созданы армейские дивизии, численностью по 8-10 тыс. солдат с кавалерией и конной артиллерией, способные быстро сосредотачиваться(16). Командный состав обновили. Генералов назначала исполнительная власть (Комитет общественного спасения), который часто передавал свои полномочия народным представителям в миссиях. Были смещены почти все старорежимные генералы, а на их место назначались офицеры, хорошо проявившие себя в деле, как выходцы из народа, так и из среды мелкого дворянства, преимущественно молодые. В армии была установлена строгая дисциплина, введена смертная казнь мародеров и дезертиров.

Введение закона о Революционном правительстве Сен-Жюст напрямую связывал с военным положением в стране и в речи от 10 октября 1793 года отмечал это. Также много внимания он уделял депутатским миссиям на фронте, будучи убежденным, что они весьма полезны для борьбы с врагом, углубления и закрепления революции(17). К этому времени народные представители в армии стали подлинным политическим институтом Революции. Измена Дюмурье внесла в отношения между гражданскими и военными властями серьезные поправки, Конвент серией декретов из усилил и укрепил. Специальная инструкция, составленная от имени КОС Р.Ленде, дала общую схему поведения народного уполномоченного, касаясь военной дисциплины, снабжения, мобилизации местных ресурсов и отношений с администрацией(18). Сен-Жюст дополнил ее рядом пунктов, составивших в совокупности своеобразный кодекс комиссара, которым был намерен руководствоваться сам и который рекомендовал всем представителям в миссиях в речи 10 октября (19 вандемьера). "Чтобы рассчитывать на успех в борьбе с врагом. - утверждал Сен-Жюст, - армии необходима однородность, внутренняя устойчивость, постоянная сила духа и уверенность в победе. Представитель в армии призван всемерно содействовать выработке этих качеств. Он обязан заменить неспособного генерала, гальванизировать робкого офицера, воодушевить солдата. Он должен быть готов подать пример, а для этого ему самому в первую очередь надлежит быть образцовым, достойным доверия. Пламенный революционер, образцовый гражданин, преданный народному делу законодатель, скромный, верный принципам, безукоризненно честный и цельный, он должен быть готов к самопожертвованию, но вместе с тем стоек, требователен, непреклонен. Народные представители должны быть отцами и друзьями солдат; спать в палатках и присутствовать на военных упражнениях;

не должны водить дружбу с генералами, чтобы солдат, обращаясь к ним, больше верил в их справедливость; днем и ночью представители должны выслушать любого солдата; должны обедать одни, быть умеренными в пище и помнить, что на них лежит ответственность за общественное спасение; они должны преследовать несправедливость, всякое злоупотребление, так как дисциплина наших армий страдает множеством недостатков" (19). Сен-Жюст полагал, что перед комиссарами стоят два вида задач. Первый включает проблемы, которые необходимо решить немедленно: надзор за генералами, заботы о единстве армии, ее обмундирование, снабжение и, в конечном счете, обеспечение победы над врагом. Второй вид - это проблемы более отдаленного будущего: революционизация армии, создание устойчивой экономики, разрешение социальных конфликтов(20).

В это время возникли новые проблемы: переброска войск оголила Восточный фронт. Со времени падения Майнца Рейнская и Мозельская армии терпели поражение за поражением. Некоторое время Рейнская армия удерживала фронт по Виссамбургской линии, проходившей к северу от Лаутера, но двукратная победа австрийцев Вурмзера при Виссамбурге и Лотербурге заставила ее снова отступить. В руки врага попал Агно, а Форт-Вобан и Ландау - важнейшие укрепленные пункты на северо-востоке, оставшись без прикрытия и поддержки, подверглись осаде. Не лучшим было положение и Мозельской армии. Разбитая при Пирмазенсе войсками герцога Брауншвейгского, она оставила врагу две тысячи пленных и отступила к Саару, причем крепость Бич, долгое время служившая ей опорой, была блокирована врагом. В результате обе армии Восточного фронта, отсеченные одна от другой, очутились в одинаково беспомощном положении, линия обороны была прорвана, открыв противнику путь в Лотарингию и Нижний Эльзас. Для спасения положения Сен-Жюст проводит решение о немедленной посылке в Эльзас депутатов Лакоста и Малларме с весьма широкими полномочиями. А когда 26 вандемьера (17 октября) Карно сообщает о планах населения Страсбурга сдать город, Сен-Жюст и Леба выезжают в Эльзас. Их задача была необычайно трудной. Реформа армии, проведенная незадолго до этого, еще не успела дать свои плоды. Войско сильно страдало от плохой организации продовольствия, снабжения, почти полного отсутствия дисциплины. При этих условиях фронт держался только потому, что раздираемый внутренними противоречиями противник не предпринимал решительно наступления, держался пассивно и малейшее увеличение его сил грозило французской армии самыми неприятными последствиями. 1 брюмера комиссары были уже на месте и сразу приняли решительные меры для коренного изменения создавшегося положения. В первый же день был отправлен приказ генералу Соттеру, предписывающий провести мобилизацию и пополнить армию людьми. "...В связи с этим приказываю всем властям департаментов Мерт, Верхний и Нижний Рейн выполнить в 15-дневный срок все требования генерала Соттера под страхом отрешения от должности"(21). Положение дел было таково: Саверн, расположенный у главного перевала через горную цепь Бьема (Северные Вогезы) - заветная мечта противника, ибо был ключом к Страсбургу и к департаменту Верхний Рейн стал основным объектом наступления. Против него у Буксвиллера Вурмзер расположил свои главные силы. Поняв это, Сен-Жюст немедленно отправляет письмо в КОС: "Необходимо усилить армию. Срочно отправить сабли, пистолеты, карабины для запасных кавалерийских подразделений и позаботьтесь о том, чтобы 2 тысячи кавалеристов было отправлено в Страсбург в 12-дневный срок"(22).

Второго брюмера комиссары дали обещание перед армией: "Мы прибыли и клянемся, что враг будет разбит. Если есть среди вас предатели или люди, равнодушные к делу народа, то мы имеем меч, который должен их покарать. Солдаты! Мы пришли, чтобы отомстить за вас и дать начальников, которые приведут к победе. Мы решили отыскивать, вознаграждать и повышать в чинах достойных, а также преследовать за преступления, кто бы их не совершал. Мужайся, храбрая Рейнская армия, тебе будет сопутствовать ныне удача и ты победишь вместе со Свободой!"(23). В Страсбурге перед Сен-Жюстом и Леба стояли задачи: одеть, обуть и накормить солдат; установить дисциплину и наказать предателей; добиться прибытия дополнительных войск. Эти задачи они постарались выполнить за время своей миссии со 2 по 25 брюмера.

Первые десять дней ушли на знакомство с положением в столице Эльзаса и на самые срочные меры: организацию армии, установление контроля над командным составом; разрешение главных хозяйственных проблем; заботу о безопасности города и, в связи с этим, проверку работы администрации. За все дни командировки комиссары издали десятки прокламаций, распоряжений, приказов. Вот лишь некоторые из них:

3 брюмера - приказ командному составу об удовлетворении всех солдатских жалоб;

5 брюмера - постановление против агентов, сторонников неприятеля и нарушивших свой долг;

7 брюмера - местным учреждениям предписывалось при снабжении армии строго придерживаться закона о максимуме;

10 брюмера Страсбургскому муниципалитету предписывалось произвести у местного населения реквизицию 5 тыс. пар обуви и 15 тыс. рубашек; в этот же день вышло постановление о займе у граждан города 9 млн. ливров(24). И так весь месяц, включая реквизиции соломы, мешков, лошадей, телег. Каждому состоятельному жителю города предписывалось содержать у себя в течение всей зимы по одному раненому. Потом это постановление распространилось на весь Рейнский департамент.

Забываясь об армии, уполномоченные не забывали и о местном населении. 15, 21, 22 брюмера вышла серия постановлений, предписывающих страсбургскому мэру раздать за счет займа нуждающимся 600 тыс. ливров(25). Наряду со всеми этими мерами Сен-Жюст и Леба предприняли ряд шагов, имеющих своей целью улучшить моральные качества армии, в частности, дисциплину. 3 и 9 брюмера издаются приказы, предписывающие командному составу ночевать в палатках при своих частях. 15 брюмера устанавливаются строгие правила, регулирующие охрану Страсбурга и условия его посещения военнослужащими(26).

Однако, в то же время Сен-Жюста заботит и душевное состояние солдат, пребывающих в тревоге за свои семьи. 7 брюмера он дает распоряжение муниципалитету Кальмутье Везульского дистрикта засеять землю и обмолотить зерно вдовы Жерар, единственный сын которой является волонтером 15 батальона. Такого же рода письмо было послано на следующий день муниципалитету Вестофена Страсбургского дистрикта относительно обработки земель Мишеля Ансена, волонтера Рейнской армии. "Мы должны заботиться друг о друге и оказывать друг другу помощь, ибо у всех нас одна общая цель - отстоять свободу от всех посягательств. Вы - французы и республиканцы. Поле вашего согражданина не должно остаться необработанным"(27).

Социальная деятельность Сен-Жюста дополняется политической. Местные условия заставляли его действовать в тесном контакте с санкюлотами, объединенными в народное общество. 7 брюмера он запросил мнение общества о гражданской благонадежности и военных способностях коменданта Страсбургской крепости и учел высказанное им мнение о патриотизме Немана, члена департаментской организации Нижнего Рейна. Сместив 12 брюмера власти Страсбурга, он на следующий день обратился к членам общества, предлагая назначить комиссию для замены смещенный членов муниципалитета. В этот же день он интересуется мнением членов общества о патриотизме членов штаба Национальной гвардии и офицеров армии(28).

Легко понять, что некоторые меры уполномоченных Конвента, больно бившие по карману состоятельную часть местного населения, возмущали и ту часть армии, которая привыкла к разгильдяйству, отсутствию дисциплины и должны были вызвать сопротивление. Сен-Жюст боролся с этим революционными методами. Уже 2 брюмера он издает приказ, утверждая в Северне революционный комитет, уполномоченный расстреливать всех уличенных в оказании содействия преступникам и заключать в тюрьмы всех заподозренных в этом(29).

Впоследствии эти функции были переданы другим учреждениям, в ведение которых вошло также суждение по делам о должностных преступлениях военнослужащих и чиновников, а приказом от 21 брюмера было постановлено, что имущество лиц, казненных по обвинению в вышеозначенном, конфискуется(30).

Террор применялся комиссарами в различных направлениях и соответствовал многообразию существующих задач. Прежде всего надо было бороться с контрреволюцией и приказ 9 брюмера обязует наблюдательный комитет Страсбурга провести в городе повальные обыски для ареста всех "подозрительных"(31). 16 брюмера страсбургскому муниципалитету было предписано арестовать в течение 24 часов всех граждан, занимавших до 31 мая 1793 года должности председателя и секретаря секции, а также всех лиц, заподозренных в сочувствии жирондистам(32). 10 брюмера издали приказ, грозивший смертью всем тайно пробравшимся в Страсбург(33). 12 брюмера были распущены управление департамента Нижнего Рейна, муниципалитет Страсбурга и управление городского дистрикта, а их члены, заподозренные в сношениях с эмигрантами, арестованы(34).

В двадцатых числах брюмера было назначено наступление, но неожиданное препятствие возникло в лице главнокомандующих Рейнской и Мозельской армиями - Гоша и Пишегрю. Молодые генералы не сразу скоординировали свои действия и намеченное на 21 брюмера наступление не состоялось. Срыв его имел серьезные последствия. 24 брюмера пал Форт-Вобан, важнейший укрепленный пункт между Рейном и Модером. В Саверне началась паника. Наступать нужно было во что бы то ни стало. Повсеместное наступление 27 брюмера застало противника врасплох. Если Вурмзер пытался сопротивляться и к северо-востоку от Бича начал перегруппировку сил, то герцог Брауншвейгский отступил без боя, что дало Гошу возможность направить движение правого фланга Мозельской армии на Пирмазен. 30 брюмера правый фланг Рейнской армии взял Бунсвиллер. Однако дальше он застрял, тогда как левое крыло победоносно наступало. Ждали резервы из Страсбурга и 8 фримера сделали передышку. Но тут Гош сделал большую ошибку, решив без поддержки провести наступление и овладеть Кайзерслаутерном, важнейшей немецкой крепостью в тылу Ландау. Отрываясь от соседних частей и упорно преследуя герцога Брауншвейгского, он овладел Ландистулем и приблизился к Кайзерслаутерну, когда прусская армия начала контратаку. Лишенный продовольствия и резервов, под угрозой окружения Гош отступил, а затем отступление превратилось в бегство. Цвейбрюккен, Пирмазенс и соседние пункты были потеряны. Ситуация требовала серьезного обсуждения в Комитете и комиссары выехали в Париж.

Военные действия возобновились 25 фримера. Был полностью подготовлен тыл, подошли ожидаемые резервы, определилось направление ударов обеих армий. Сен-Жюст возвращается в армию, имея на руках мандат о расширении полномочий на весь Восточный фронт. Начав наступление против основных сил Вурмзера, Рейнская армия прорвалась к Агно и Форт-Вобану. Левый фланг двинулся против австрийцев и сражение на высотах Ресховена, начавшееся на заре 2 нивоза, продолжалось с переменным успехом несколько часов и закончилось полной победой Гоша. Благодаря этой победе путь на Ландау был открыт. Тем временем, опасаясь окружения с тыла, Вурмзер без боя покинул линию Агно и отступил к Виссамбургу. 6 нивоза Гош нанес австро-прусским силам новый удар на высотах Гейсберга, после чего объединенные Рейнская и Мозельская армии вступили в долину Лаутера. 7 нивоза австрийцы эвакуировали Виссамбург; 8-го - французы вступили в Ландау. В этот же день комиссары отправили в Конвент лаконичную депешу: "Слава сопутствует Французской республике"(35). Кампания в Эльзасе завершилась, а 10 нивоза Огюстен Робеспьер и Наполеон Бонапарт взяли Тулон. Немалой была заслуга и Сен-Жюста с Леба. Они за короткий срок сумели восстановить боеспособность армии, а Сен-Жюст, кроме того, проявил себя прекрасным стратегом и тактиком, несмотря на некоторые разногласия с мозельскими комиссарами, умело координируя действия войск при поддержке Гоша и Пишегрю. Но Гош впоследствии все же был арестован, правда когда находился уже в Итальянской армии. Ордер был подписан Сен-Жюстом и Карно.

К началу весенне-летней кампании 1794 года соотношение сил между Францией и противостоящей ей монархической коалицией изменилось в пользу Франции. Ее армия превосходила войска коалиции по своей численности, ни в чем не уступала по вооружению. Командовали ею молодые, талантливые генералы, мастера маневренной войны, изменилась тактика боя, а Карно и его сотрудники умело координировали взаимодействие фронтов в масштабе всей страны.. Коалицию же раздирали внутренние противоречия. Ее участники все меньше доверяли друг другу, старались переложить на

своих партнеров всю тяжесть борьбы с общим врагом, плохо координировали свои оперативные планы. Но в конце жерминаля Кобургу удалось начать переброску войск в район между Шельдой и Самброй. Пишегрю, командующий теперь северной армией, начав наступление, 2 флореаля взял Ленсен, важный пункт на правом фланге противника. Но Кобург в тот же день, приведя в действие свой сильный левый фланг, после жестокой бомбардировки, принудил к сдаче Ландресси - крупную крепость обороны Северного фронта. Это открывало брешь в наиболее уязвимом месте: отсюда начиналась дорога на Гиз, Сен-Картон, Ла-Фер и Париж. Если бы австрийцы быстро сориентировались, они могли бы поставить под угрозу все успехи Революции. Сен-Жюст вновь выезжает на фронт. Время с 13 по 22 флореаля он провел в Гизе, налаживая дисциплину, проверяя командные кадры, организовывая военную юстицию, пока ждал на помощь Журдана с группой войск. Но последние были еще далеко, а жерминальское наступление Кобурга, вбившее клин между Самброй и Шельдой, окончательно отрезало главнокомандующего от центра и правого фланга его армии. Все это ставило Сен-Жюста в довольно трудное положение. Карно в Париже и Пишегрю в Лилле были слишком далеки от угрожаемых районов, их распоряжения часто противоречили друг другу. Сен-Жюсту самому приходилось подбирать командный состав, намечать боевые операции и руководить их проведением.

Основа стратегического плана была ясна: свести к минимуму последствия удара Кобурга, обеспечить плацдарм для наступления и выйти на Брюссель. С этим предложением Сен-Жюста, выдвинутом в ночь на 16 флореаля на военном совете в Камбре, были согласны все. Но дальше начинались разногласия по поводу направления главного удара. Наконец было решено развивать наступление по всему фронту таким образом, чтобы начали оба крыла - левое двигалось на Ипр и Турне, правое - на Монс и Биш; затем центр республиканских войск мог выйти на Като и Ле-Кенуа и легко овладеть этими пунктами, поскольку противник, боясь окружения, сам бы их покинул, это бы и обеспечило последующее движение войск на Брюссель. Но была допущена ошибка. Действуя из предположения, что против него расположены главные силы врага, Пишегрю усилил левый фланг до 80 тыс. Правый же фланг, состоявший из осколков Северной и Арденской армий и которому предстояло действовать на Самбре, насчитывал не более 50 тыс. человек, а Журдан еще не подошел. И начались неудачи, так как предположение Пишегрю оказалось неверно. Между 21 флореаля и 15 прериала правый фланг республиканских войск, сгруппировавшись в районе Ханта и Туена, трижды переходил Самбру, трижды пытался укрепиться на левом берегу и трижды, отбрасываемый противником, возвращался на исходные рубежи. Тщетно левый берег по приказу Сен-Жюста был выжжен дотла. Люди делали все, что могли, но сил явно не хватало и пришлось ждать Журдана.

Неожиданный вызов Сен-Жюста в Париж вынудил его оставить армию, но он быстро вернулся, так как 16 прериала не удалась четвертая попытка (Журдан привел меньше войск, чем ожидалось). Немедленно вместе с Карно, утвердив Журдана главнокомандующим Северной и Арденской армиями, он едет на фронт. С бульдожьим упорством, словно вгрызаясь в землю, французы пядь за пядью овладевали вражеской территорией, пока не добрались до Шарлеруа, который капитулировал. А на следующий день, 8 мессидора, французская армия, возглавляемая Журданом и Сен-Жюстом, одержала победу при Флерюсе, решив исход кампании. Интервенты покатались на восток.

За время Революции Сен-Жюст показал себя не только как политик, но и как военный деятель. Его биографы отмечают, что эта область деятельности удалась ему лучше, чем работа в правительстве (А. Собуль, Б. Вино). С этим можно согласиться, если учесть, что одной из важнейших мер перехода страны к конституционному строю, является внешняя свобода. Все враги республики, как внутренние, так и внешние, должны быть разбиты. Однако именно это и погубило правительство в термидоре. Новая буржуазия, уже давно им тяготившаяся, после освобождения страны от угрозы контрреволюции, сбросила негодное правительство.

Именно в военной деятельности Сен-Жюста, по мнению А.Левандовского, надо искать пути к пониманию многих его идей и поступков(36).

Военная деятельность Сен-Жюста, несомненно, удалась. Он, человек без специального образования, опираясь только на свои принципы, движимый любовью к родине, объединившись со своими коллегами в армии, используя помощь молодых генералов, а также и сильные методы террора, смог в решительный момент объединить все силы для борьбы с контрреволюцией.

1 Цитата по кн. Собуль А. Из истории Великой французской революции 1789-1794 гг. и революции 1849 года. - М.,1960. - С.156.

2 Камю А. Бунтующий человек. - М.,1990. - С.215.

3 Дживелегов А.К. Революционная армия и ее вожди. - М.-Пг.,1923. - С.11. (полный текст см. в нашей библиотеке: http://vive-liberta.narod.ru/biblio/jvelg_army.pdf)

4 Документы истории Великой французской революции. - М.,1992. - Т.1. - С.354.

5 Там же. - С.355.

6 Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента: Сборник документов. - М.,1927. - С.311.

7 Документы истории...- Т.1. - С.363.

8 Там же.

9 Gross J.P. Saint-Just, so politique et ses mission. - Paris,1968. - p.46-47.

10 Ibid. - P.46.

11 Булуазо В. Комитет общественного спасения // Французский ежегодник. - М.,1967. - С.42-50. (полный текст в нашей библиотеке: http://vive-liberta.narod.ru/journal/fe_66_CPS.htm)

12 Дживелегов А.К. указ.соч. - С.86.

13 Gross J.P. Op.cit. - p.274.

14 Actes du colloque Saint-Just. - Paris,1968. - p.196.

15 Революционное правительство... - С.322.

16 Строчков А.А. История военного искусства. - М.,1965. - Т.2. - С.21.

17 Революционное правительство... - С.30.

18 Там же. - С.51-55.

19 Там же. - С.31.

20 Там же. - С.32.

21 Документы и бумаги Рейнской миссии Сен-Жюста и Леба // Собуль А. Из истории Великой французской революции 1789-1794 гг... - С.288.

22 Там же. - С.293.

23 Там же. - С.290.

24 Там же. - С.209, 295-296, 301, 314, 316.

25 Там же. - С.340, 355, 359.

26 Там же. - С.295, 311, 339.

27 Там же. - С.303, 304, 307.

28 Там же. - С.303, 311, 327.

29 Там же. - С.287-288.

30 Там же.

31 Там же. - С.309.

32 Там же. - С.344.

33 Там же. - С.319.

34 Там же. - С.325-326.

35 Французская революция в провинции и на фронте: Донесения комиссаров Конвента. - М.,1924.- С.312.

36 Левандовский А. Арденнская миссия Сен-Жюста // Вопросы истории. - 1982 - № 5-6. - С.115-127.

См. также: В.Бредель, «Комиссар Рейнской армии»: http://vive-liberta.narod.ru/journal/bredel_sj.pdf

О ПРИНЦИПАХ УПРАВЛЕНИЯ "ИДЕАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА". ЭГАЛИТАРНАЯ УТОПИЯ ЯКОБИНСКОЙ ДИКТАТУРЫ

Статья прислана для публикации на сайте 01.03.2002.

"Из всех мировых исторических драм, когда-либо пережитых человечеством, несомненно, наиболее грандиозной является эта Великая Революция XVIII века. Ни одна другая эпоха не отразила с такой силой и яркостью страстных исканий человеком общественных идеалов"(1).

Велико количество самых различных умозрительных проектов "идеального государства", созданных в XVIII веке. Значительная их часть принадлежит Франции. 1789 год круто изменил жизнь европейского общества. Великая Французская революция не только пробудила надежду на установление "разумного" строя в соответствии с одной из созданных и не имеющих противоречий теоретических систем, но и предоставил возможность для проведения такого эксперимента.

Попытка создания идеального общества в соответствии с принципами одной из просветительских теорий была предпринята в период Революционного правления 1793 - 1794 гг., называемый также "якобинской диктатурой".

Э.Лабрусс назвал якобинскую диктатуру "временем предвосхищения", а Альберт Собуль дополнил эту характеристику метким штрихом-вопросом: "Не было ли оно временем утопий?"(2)

Возросшая на просветительской философии, она несла на себе глубокий отпечаток напряженного общественно-революционного сознания эпохи. Страх и Надежда были постоянными спутниками Революции. Страх за революцию, которая может быть уничтожена ее врагами. Страх толкал к насилию. Насилие выступает здесь и как защита, и как возмездие, оправдывающее себя целым рядом аргументов. Присутствие надежды в общественном революционном сознании питает вера в радикальность и быстроту совершаемых социальных преобразований, а также восприятие последних как неизбежных, окончательных и необратимых перемен.

В рамках данной статьи мы рассмотрим политические идеи устройства и управления идеального государства лидеров якобинцев Максимилиана Робеспьера, Луи-Антуана Сен-Жюста и Жоржа Кутона.

К концу 1793 года положение французской республики несколько стабилизировалось, были нанесены решающие удары по внешним и внутренним врагам. Именно тогда Робеспьер и его сторонники приступили к конкретизации содержания плана построения идеального государства. 4 декабря 1793 года Сен-Жюст в письме из действующей армии просит Робеспьера привлечь внимание якобинцев к "фундаментальным принципам общественного блага", дабы они позаботились о способах управления "свободным государством"(3). В программной речи 5 февраля 1794 года Робеспьер подчеркивает: "Настало время ясно определить цель революции и предел, к которому мы хотим прийти"(4). Это и последующие выступления Робеспьера, Сен-Жюста и Кутона в Конвенте и Якобинском клубе позволяют нам получить достаточно развернутое представление о их взглядах на идеальное общество. Кроме того, в нашем распоряжении имеются фрагменты подробно разработанного плана совершенного государственного устройства, выполненного Сен-Жюстом(5).

Робеспьеристы считали себя учениками Монтескье и Руссо. Они развили и обогатили ряд узловых положений своих идейных предшественников: о естественных правах человека, форме правления, представительной системе, границах частной собственности и др. в своих программных речах и политико-философских произведениях. Любопытно, что из всех якобинцев лишь "триумвиры" пользовались привилегией делать программные заявления. Причем, среди них существовало своеобразное "разделение" обязанностей. Робеспьер в пространственных речах, насыщенных абстрактно-метафорическими рассуждениями рисовал общие контуры совершенного строя. В докладах Сен-Жюста делалось теоретическое обоснование важнейших политических мер. В многочисленных и, как правило, не слишком продолжительных выступлениях Кутона высокая теория увязывалась с теоретическими вопросами повседневной политики(6).

Социальный идеал якобинцев выглядит следующим образом: общество мелких производителей, где каждый владеет землей, маленькой мастерской, лавкой, способными прокормить семью, и где человек прямо обменивается произведенными им продуктами с другими равными ему людьми. Смысловым ядром совокупности политико-юридических воззрений якобинцев являются положения о государственной власти, об аппарате государства, о принципах его построения и функционирования. Существуют три начала, лежащие в основе политического союза. Во-первых, охрана и обеспечение естественных прав гражданина. Во-вторых, право каждого гражданина на участие в законодательстве и управлении, обусловленное естественным равенством и прирожденной свободой людей. И третье, это верховенство народа в государстве. В любой ситуации народ правомочен сам решать свою судьбу. Какой же путь претворения в жизнь этих положений избрали якобинцы?

Для общественной мысли XVIII века, искавшей замену традиционной христианской морали, был характерен повышенный интерес к этическим проблемам. Подобно Руссо, робеспьеристы видели в морали универсальный регулятор социальных отношений, называя ее "душой республиканского строя". Революция представлялась им кульминацией великой битвы Добра и Зла, продолжавшейся на протяжении всей истории человечества. Только победа добродетели, считали робеспьеристы, позволит решить все социальные проблемы. Набор добродетелей, которые, по мнению Робеспьера и его сторонников, обязан иметь каждый "истинный республиканец", был составлен на основе сильно идеализированных представлений об античных государствах Спарты и Рима. Согласно этой абстрактной идее, среднестатистический "совершенный" гражданин не имеет "лишних" потребностей, аскетичен, не обременен избытком знаний, не знает жалости и к себе, ни к врагам, презирает чувство наслаждения и готов безоговорочно пожертвовать всеми своими личными интересами во имя общественных. "О! Сколь безрассудны люди! Что нужно для счастья? Несколько унций пищи в день, радость творить добро и сознание того, что совесть чиста – вот и все", - говорил Кутон(7).

В ходе Революции взгляд робеспьеристов на устройство идеального общества претерпел значительную эволюцию. Сначала предполагалось, что возможность народа, всех граждан, пользоваться свободой и уважением, не обусловлена напрямую той или иной комбинацией правительственных учреждений или законов. Об этом, например, говорили Сен-Жюст в произведении "Дух Революции и Конституции во Франции", написанном в конце 1790 – начале 1791 года и Робеспьер в своих программных речах, будучи кандидатом в депутаты Учредительного собрания. Но по мере развертывания и углубления революции ими все сильнее ощущается неодинаковость социально-политического содержания различных форм правления. Теперь уже однозначно негативно, как порочный, характеризуется ими монархический принцип организации государственной власти и отстаивается необходимость последовательно-республиканского устройства страны(8). В этот период гарантия режима видится им не столько в ужесточении репрессий, сколько в надежном функционировании самих республиканских государственно-правовых механизмов обеспечения общественной и индивидуальной свободы. В речи "О Конституции" 10 июня 1793 года Робеспьер призывает Конвент осуществить разделение властей, четко отделить законодательные учреждения от административного аппарата, пересмотреть сокращение сроков полномочий всех должностных лиц (особенно тех, кто обладает широкими прерогативами), поставить эти лица в действительную зависимость от суверена, т.е. от народа (а не от отдельных персон).

Ситуация меняется к концу 1793 года, когда, отвечая на требования санкюлотов, власти ставят террор "в порядок дня" и вводят всеобщий "максимум" на цены. Комитет Общественного Спасения наделяют фактическими диктаторскими полномочиями. Вследствие этого, к концу 1793 года, основные рычаги власти были сосредоточены в руках Робеспьера и его сторонников. Более очевидным становится тяготение к авторитарным формам власти. Коренным переломом в идеологии стали речи Сен-Жюста (10 октября 1793 года) и Робеспьера (25 декабря 1793 года) о принципах революционного правительства(9). В них противопоставляются конституционное революционному правительству. Цель первого из них – сохранять уже утвердившуюся республику, заниматься главным образом гражданской свободой, беречь индивидов от

злоупотреблений, допускаемых публичной властью и т.д. Революционное же правительство предназначено для того, чтобы действовать в бурных обстоятельствах. Обстановка войны диктует ему активные действия, а это оправдывает сверхконцентрации властных полномочий в центре, жестокую государственную регламентацию общественных принципов и временную отмену принципов конституции, прав человека, народного суверенитета. Конечно, правительство сознает, чем чревато превышение мер, поэтому следуют успокоительно-обнадеживающие слова о том, что данное правительство избежит произвола, станет заботиться лишь о благе народа. А залогом служения власти интересам общества, правам человека, свободе будут честность и "в чистоте добродетели" тех, кто держит в своих руках бразды государственного правления. Чтобы принципы Конституции восторжествовали в ближайшем будущем, революционное правление было решено подкрепить террором. Такой "деспотизм свободы" был установлен против тирании.

"Они называют меня тираном... Если бы я был им, они бы ползали у моих ног, я осыпал бы их золотом, я бы обеспечил им право совершать всяческие преступления и они были бы благодарны мне!" – говорил Робеспьер в Конвенте 8 термидора II года Республики, оправдывая свою политику и убежденный в том, что война нужна не только для уничтожения контрреволюционеров, но и для искоренения слабостей человеческой природы, пороков общества. Он уподоблял террор справедливости, которую считал эманацией добродетели и "следствием общего принципа демократии". Увлеченные созданием "Царства Добродетели", погруженные в абстракцию "мира в облаках", робеспьеристы уже не воспринимали террор как боль и страдания людей. Он стал для них истинным праздником добродетели. "Я, хоть и столь немощен, но возьму на себя исполнение приговора", – говорил Кутон(10). Закономерным результатом идеологической эволюции Робеспьера и Кутона стало создание правового декрета от 22 прериаля II года (10 июня 1794 года), после которого чудовищная машина террора стала набирать обороты.

Сен-Жюст пришел к другим выводам. Идеологическая эволюция, однотипная с эволюцией Робеспьера и Кутона привела его к созданию большого, детально разработанного плана будущего идеального общества. Кроме того, еще в марте 1794 года в его речах появляются фразы, которые непосредственно указывают на то, что у их автора созрел план политического преобразования существующего положения вещей.

После смерти Сен-Жюста в 1800 году увидели свет его "Фрагменты республиканских учреждений". В проекте – образ общины, в которой будут господствовать добродетель и принцип "один за всех и все за одного". Безукоризненная честность, строжайшая дисциплина и самоотверженная храбрость – вот отличительная особенность граждан его государства. Строжайшая регламентация быта граждан на манер Спарты, те же суровые предписания о правах и обязанностях населения. Исключение из общины, лишение звания гражданина считается самым суровым и самым распространённым наказанием. Граждане должны быть дружелюбны, как братья. Сен-Жюст подробно разрабатывает институт дружбы. Таким образом, он пытается создать прочную спаянность между гражданами. Все они равны между собой и это подчёркивается целым рядом внешних форм равенства. Очень детально разработана Сен-Жюстом система воспитания. Ее цель – воспитание граждан со всеми их добродетелями. Строжайшая дисциплина и аскетизм ее отличительные черты. Большое внимание уделяется и вопросу о воспитателях: их избирают из числа стариков, достигших шестидесятилетнего возраста. Старики же ведают и цензурой, одним из важнейших институтов в системе Сен-Жюста, который он заимствовал из истории Рима, хотя и несколько изменил его. Сен-Жюст считал главным назначением цензора следить за чистотой нравов. Миссия цензоров осуществляется обычно в храме. Храмы в республике Сен-Жюста это не просто место для поклонения божеству. Там должны были совершаться самые важные акты политической и гражданской жизни республики. Такая общественно-государственная роль храмов вполне согласуется с государственным характером религии Сен-Жюста. Ее задача – поддержание культа добродетели. Это как бы высший моральный институт. Культ Верховного существа был призван укреплять всеобщую гармонию, провозглашать и утверждать святость свободы и гражданской добродетели в наслаждении благами земли(11).

Упорные попытки робеспьеристов перенести свою утопию из облаков на грешную землю привели к плачевному результату. Общественные отношения вступили в конфликт с умозрительным идеалом. И избавиться от этого узла противоречий было возможно только одним способом – сбросить иго утопии, что и произошло 9 термидора.

Однако, идеи надолго пережили своих авторов. В XIX веке расцвел социалистический утопизм, приведший впоследствии к грандиозному коммунистическому эксперименту.

Присущая природе человека потребность в утопии не исчезает из жизни. Но исторический опыт показывает, что необходимо переключение утопического сознания с попыток окончательного, на все времена, решения всемирных проблем человечества на отдельные стороны жизни в предельно возможной исторической перспективе.

1. Боровой А. Общественные идеалы современного человечества. Либерализм. Социализм. Анархизм. – М., 1906. / эл. вариант: <http://www.liberte.newmail.ru/>
2. Soboul A. La Révolution française dans l'histoire du monde contemporaine // Recherches Internationales à lumière du marxisme. P., 1970. № 62. p.38.
3. Сен-Жюст Л.-А. Речи. Трактаты. – М., 1995. с.343.
4. Робеспьер М. Избранные произведения. – Т.3. М., 1965. с.106.
5. Подробнее см. в статье: Морщикина Л.А. Утопия и Великая Французская революция: "Les Institutions républicaines. Fragments." Л. - А. Сен-Жюста как характерный пример утопического творчества XVIII века.
6. Чудинов А.В. На облаке утопии: Жизнь и мечты Ж.Кутона // Кутон Ж.Избранные произведения: 1793-1794. М., 1994. с.39.
7. Кутон Ж.Избранные произведения: 1793-1794. – М., 1994. с.195.
8. Беркова К.Н. Процесс Людовика XVI. – Петроград, 1920. ([полный текст в нашей библиотеке](#))
9. Сен-Жюст Л.-А. Речи. Трактаты. – М., 1995. с.93-102, Робеспьер М. Избранные произведения. – Т.3. – М., 1965. с.90-98.
10. Кутон Ж.Избранные произведения: 1793-1794. М., 1994. – с.216. ([полный текст в нашей библиотеке](#) http://vive-liberta.narod.ru/doc/couthon_disc.htm)
11. Сен-Жюст Л.-А. Речи. Трактаты. – М., 1995. с.285-313.

УТОПИЯ и ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
"ФРАГМЕНТЫ РЕСПУБЛИКАНСКИХ УСТАНОВЛЕНИЙ"
("LES INSTITUTIONS REPUBLICAINES. FRAGMENTS")
А. СЕН-ЖЮСТА КАК ХАРАКТЕРНЫЙ ПРИМЕР
УТОПИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА XVIII века

Статья поступила для публикации на сайте 6 апреля 2000 г.

Восемнадцатое столетие вошло в мировую историю как век Просвещения. Частный интерес как особая, материальная сфера приложения здравого смысла, "разумный эгоизм" как его проявление в отношениях с другими членами общественного договора - эти и многие другие социальные феномены вошли в реальную действительность благодаря завоеваниям демократии. Формирование же данных понятий, как и самой способности рассудка здраво судить обо всех событиях жизни, стало делом просветителей. Такое мировосприятие, пропущенное через призму здравого смысла, породило веру в неограниченные возможности человеческого разума. Возникал соблазн испробовать свои силы на данном поприще и хотя бы мысленно попытаться встать вровень с Всевышним, Творцом истории. Поэтому нет ничего удивительного, что век Разума стал временем расцвета социального утопизма.

Утопия - непреодолимая потребность людей рисовать себе идеальное государство и общество, которые всем без исключения обеспечили бы идеальное счастье. Утопические образы воображаемого общества получили своё воплощение в самых различных философских, социологических, экономических и политических трудах, в программах общественного переустройства, в социально-прогностических трактатах, а также в литературно-художественных произведениях, так называемых "государственных романах". В научной литературе издавна получили распространение определения утопии, не имеющие оценочного характера(1). Словом "утопия" часто называют представления о лучшем обществе независимо от того, каковы были когда-то или же каковы сейчас возможности их осуществления. Но такое широкое понятие требует уточнения. Одни авторы считают необходимым подчеркнуть, что с утопиями мы имеем дело только тогда, когда идеал дан в широко развитой форме. Утопия - это мечта, которая становится системой, идеалом, разросшимся в целую доктрину(2). Другие называют утопиями лишь такие идейные системы, которые возникли как продукт интеллектуальной спекуляции. Это сконструированная в кабинете интеллектуальная модель, с которой сверяют действительность, чтобы решить, что в ней хорошо, а что плохо(3).

Рассмотренные выше концепции утопии не обязательно исключают друг друга. Нередко это просто подход к явлению с разных сторон, благодаря чему мы лучше узнаем его. Авторы, исследующие проблемы утопии, определяют это понятие как "место, которого нет". Другая аксиома состоит в том, что всегда существует глубокое расхождение между утопией и действительностью. Утопист отказывается принимать мир таким, каким он его застал. Он не удовлетворяется существующими на данный момент возможностями, а мечтает, фантазирует, предвосхищает, проектирует, экспериментирует. Это неприятие как раз и порождает утопию.

Есть разница между утопистом и реформатором, то есть человеком, который исправляет существующий мир, вместо того, чтобы возводить на его месте новый. Если некоторых утопистов можно назвать "реформаторами", то лишь в том смысле, в котором это слово употребляется как антоним слова "революционеры". Ибо, в большинстве своём, утописты не хотели исправлять существующий мир силой, но, самое большее, пытались создать в нём островки Нового, которые своим примером должны были воздействовать на людей доброй воли. Впрочем, проблема практического преобразования мира существовала отнюдь не во всех утопиях. Утопист не обязательно знает, что надо делать. Его миссия - подвергнуть сомнению старый мир во имя образа другого мира. Стихия реформатора - компромисс, то есть именно то, что утопист отвергает раз и навсегда. Ближе к утопическому мышлению стоит революционер, однако, в большинстве своём утописты крайне далеки от революционности, либо они вообще не пытались провести свои замыслы в жизнь, либо, самое большее, пытались сделать это в весьма скромном масштабе и мирными средствами. Воплощения ценностей могли быть весьма различны, но их общей чертой всегда было то, что они существуют вне времени и пространства. Например: Природа, Бог, Разум, "универсальная гармония". Значение этого рода утопий состоит в том, что во многие эпохи именно в них проявлялось суровое осуждение существующего мира и мечты о лучшем будущем. Кроме того, они служили философской основой утопий другого типа, особенно тех, которые конструировали вымышленную модель совершенного общества. Именно идее природы человека и естественного права суждено было сыграть большую роль в истории утопического мышления.

Утописту даётся иногда возможность превратить свою альтернативу идеала и действительности в политическую альтернативу. И в известные эпохи именно он оказывался наиболее дальновидным политиком. Утопия приобщается к практике, а политика - к идеалу. Утопия политики помещает желаемый идеал в пределах досягаемости человека, делает его целью борьбы. Если даже эта борьба не может закончиться осуществлением идеала, она, во всяком случае, способствует разрушению существующего порядка, из отрицания которого вырастает любая утопия. Эта борьба начинается нечто поистине новое, хотя её окончательный результат никогда не совпадает с намеченным. Осуществлённый идеал перестаёт быть таковым, ибо носит на себе пятно компромисса и поражений, которые он потерпел в столкновении с действительностью. Но

в результате и действительность становится иной. Утопия политики не выдвигает каких-либо общественных идеалов, свойственных только ей. Она характеризуется скорее особой локализацией этих идеалов, чем их безусловной оригинальностью. Можно сказать, что утопия политики есть практическое применение утопического мышления в жизни общества. Классический пример утопии политики дала нам эпоха Великой французской революции. Революционная ситуация превратила идею "общественного договора" в утопию политики. На смену теоретическому противопоставлению двух моделей общества традиционно - иерархического и разумного общества как объединения свободных и равных людей - пришёл политический конфликт противостоящих друг другу политических программ. Утопия оказалась вовлечена в реальную политическую борьбу, но утопией быть не перестала, ибо по-прежнему, исходила из противоположности между действительностью и идеалом; не столько из решимости преобразовать господствующие отношения, сколько из стремления преобразить - на этот раз посредством революции - плохие отношения в хорошие. Несмотря на то, что якобинцы считали себя учениками Руссо, они представляли совершенно другую стадию развития идеи - стадию её практического осуществления. Критикуемой действительности противопоставляется здесь в качестве идеи общество, которое возникает сразу же в результате применения предлагаемых партией политических средств. Но якобинских лидеров вряд ли можно считать прагматиками в обычном смысле слова. К их политическому реализму - плохо это или хорошо - всегда примешивалось нечто такое, что в разной связи и у разных авторов именуется "утопизмом", "мессианством", "морализаторством".

Гармония Свободы, Морали, Добродетели и счастья народа - вот установки, с которыми выступал в Конвенте Антуан Сен-Жюст - виднейший идеолог якобинской диктатуры. Детальный проект идеального общества будущего был изложен им в неоконченной работе "Республиканские установления" ("Les Institutions republicaines"). "Установления есть гарантия правительства свободного народа от разложения нравов и гарантия народа и гражданина от разложения правительства... Нужно утвердить все общественные и личные гарантии, дабы устранить раздоры и насилие, поставить влияние нравов на место влияния людей... Террор может освободить нас от монархии и аристократии. Но что избавит нас от нравственного разложения? Установления!" (5)

Даже при беглом чтении проекта Сен-Жюста обращает на себя внимание категория законов. Законы, в его понимании, не столько отражают, сколько творят общественные отношения. Конституция для него - само общественное устройство страны. Таким образом, данные установления, то есть воплощение в законах социальных, общественных, нравственных норм взаимоотношения и поведения граждан, должны были, по мнению автора, разрешить важнейшие задачи формирования нового мировоззрения, привести к моральному возрождению нации, достижению гармонии интересов человека и гражданина, то есть частных и общественных. Закон - самая важная часть в структуре политических установлений. Правительство же призвано подавать пример законопослушания и добропорядочности. Нравственность, общественную добродетель Сен-Жюст, подобно просветителям считал основным принципом Республики. "Установления имеют целью поставить принципы нравственности в основание всех действий", - пишет он (6).

Антуан Сен-Жюст был человеком своего века, увлечённого идеями Просвещения, но как политик, он всегда ощущал почву реального. Это объясняет, что в его идеологемах присутствуют две реальности: современное ему "гражданское общество" и возможность возрождения "естественной социальности". Соответственно той или иной доминанте всё творчество Сен-Жюста можно расположить в двух плоскостях, хотя они постоянно сосуществуют и взаимопересекаются. Условно можно говорить об авторском "двуязычии". Логика сближения идеала с реальностью определила саму форму гражданской общины в воображении Сен-Жюста - сосуществование общего и частного интереса в виде двуединства собственности - владения. В проекте легко угадываются реальности крестьянской страны, общества, в основе остающегося аграрным. "Всякий собственник старше двадцати пяти лет, не занимающийся ремеслом и не являющийся магистратом, обязан обрабатывать землю... и под страхом лишения прав гражданина сроком на один год выращивать овец..."(7). Обязательность труда для всех граждан Сен-Жюст считал необходимым условием для достижения всеобщего блага в государстве. "Если все будут

трудиться, возвратится изобилие, потребуется меньше денег; не будет больше пороков" (8). Рассматривая труд как обязательное условие гражданства, Сен-Жюст вместе с тем считает, что республика обязана обеспечивать средствами к существованию людей, отличившихся своей добродетелью. А также изувеченных солдат, стариков, сирот, всех тех, кто жертвовал собой ради дружбы, а также всех тех, чьё имущество погибло от войны, пожаров и стихийных бедствий (9).

В проекте Сен-Жюста - гражданская община, в которой будут господствовать добродетель и принцип: один за всех и все за одного. Безукоризненная честность, строжайшая дисциплина и самоотверженная храбрость - вот отличительная особенность граждан его государства. Эта община - смутный призрак внешней структуры античного общества. Та же строжайшая регламентация быта граждан на манер Спарты, те же суровые предписания о правах и обязанностях населения. Каждый гражданин общины ежегодно обязан отчитываться в храме об употреблении своих имуществ во избежание чрезмерных накоплений. Закон регламентирует и быт граждан. Так, "никто не имеет права употреблять в быту золото и серебро, если это не монета"; или ещё: "никто не должен употреблять в пищу мясного в 3, 6 и 9 дни декады" (10). Исключение из общины, лишение звания гражданина считается самым суровым и самым распространённым наказанием.

Граждане должны быть дружелюбны, как братья. Сен-Жюст подробно разрабатывает институт дружбы. Таким образом, он пытается создать прочную спаянность между гражданами. "Каждый человек, достигший 21 года, должен объявить в храме, кто его друзья, и быть им преданным всю жизнь. Если человек совершит преступление, его изгоняют вместе с друзьями. Тот, кто скажет, что не верит в дружбу или что не имеет друзей, подлежит изгнанию" (11).

Граждане равны, и это подчёркивается целым рядом внешних форм равенства: например, "Ежегодно первого флореаля один молодой человек, состоятельный, добродетельный, без физических недостатков должен жениться на бедной девушке" (12) В интересах такого же социального равенства родителям запрещено вторгаться в сферу сердечных наклонностей их детей, каковы бы ни были их материальные средства. Характерно, что, выступая в принципе вообще против развода, Сен-Жюст вменяет в обязанность супругов развестись, если в течение семи лет они не имеют детей или не усыновят сирот, ибо "благо родины превыше всего" (13) Памятуя это, отец не может проявить нежные чувства к сыну, если тот оказался трусом. Каждый человек должен быть Юнием Брутом.

Система воспитания разработана у Сен-Жюста также весьма детально. Цель - воспитание граждан со всеми их добродетелями. Дети с пяти лет воспитываются государством, коллективно, в самой строжайшей дисциплине. Речь их приучают к исключительному лаконизму. До 10 лет они обучаются в школе, причём обязательно живут в деревне. Ребёнка в свободное от занятий время предоставляют самому себе, не бьют и не ласкают. Их организм должен закаляться: дети одеты в простую холщовую одежду во все времена года, спят на циновке и питаются сообща с другими детьми фруктами, овощами, кореньями, молоком и хлебом. С 10 до 16 лет они воспитываются преимущественно как воины и земледельцы. Дети группируются по батальонам и легионам, живут в лагерях и если не занимаются строевой подготовкой, то помогают на полях. С 16 до 21 года они обучаются какой-нибудь профессии, которая соответствует их желанию. В 21 год они достигают совершеннолетия и становятся полноправными гражданами. Такое воспитание касается только мальчиков. Девочек воспитывают родители. О том, какое большое значение придавал Сен-Жюст правильной системе воспитания, можно судить по его записной книжке, где он подчеркнул: "Заставить исполнять законы об образовании, вот в чём секрет"(14). Большое внимание уделяется и вопросу о воспитателях: их избирают из числа стариков, достигших шестидесятилетнего возраста. Старики же ведают и цензурой, одним из важнейших институтов в системе Сен-Жюста, который он заимствовал из истории Рима, хотя и несколько изменил его. Сен-Жюст считал главным назначением цензора следить за чистотой нравов, но контроль их мог касаться только молодёжи и общественных служащих; последние были обязаны подавать пример всем остальным гражданам. "Цензура не распространяется на народ: он сам себе цензор, Она может лишь следить за исполнением законов и заставлять

магистратов им подчиняться. Для сохранения революционного правительства нужен либо тиран, либо справедливость и неумолимая цензура"(15). Миссия цензоров осуществляется обычно в храме.

Храмы в республике Сен-Жюста это не просто место для поклонения божеству. Там должны были совершаться самые важные акты политической и гражданской жизни республики: провозглашаться законы, отчитываться в расходовании своих средств граждане; там они должны были ежегодно клясться в верности дружбе, и почтенные старцы, опоясанные белыми шарфами совершать обряд цензуры над поведением молодёжи и чиновников(16). Такая общественно-государственная роль храмов вполне согласуется с государственным характером религии Сен-Жюста. Её задача - поддержание культа добродетели. Это как бы высший моральный институт. Культ Верховного существа был призван укреплять всеобщую гармонию, провозглашать и утверждать святость свободы и гражданской добродетели в наслаждении благами земли. Большое значение при этом Сен-Жюст отводит религиозным национальным праздникам, посвящённым Природе и различным добродетелям, организуемых в первый день каждого месяца по революционному календарю, поочередно в честь Верховного существа, Природы, народа или какой-нибудь добродетели: любви, супружеской верности, победы, мудрости, патриотизма, молодёжи, старости, труда, бессмертия души и пр. (17) Всё это - культы, которые должны быть неотъемлемой отличительной особенностью гражданина.

Таков идеальный строй республики Сен-Жюста. Строй, который своими внешними формами, начертанными при помощи просветительской философии XVIII века, уносит в давно прошедшие героические времена античного мира. Не даром современник Сен-Жюста, Барер, позднее так вспоминает о нём в своих "Мемуарах": "Если бы Сен-Жюст жил во времена греческих республик, он был бы спартанец. Его "Фрагменты..." доказывают, что он избрал бы законодательные институты Ликурга... Но его постигла бы судьба Агиса и Клиомена"(18.) Триумфы утопии в истории есть нечто исключительное, но всё же реальное. Это триумфы особого рода, ибо сны утопистов не сбываются. Никакого рая на земле нет. Утопии не могут избежать судьбы всех идеологий. Они дают человеку ценности, за которые стоит бороться, но не могут гарантировать ему всемогущества и всеведения. Результат деятельности ускользает из-под контроля. Но значение утопии не в этом. Оно зависит от того, в какой мере она способна внедрить в общественное сознание убеждение в проблематичности существующего порядка, а также в необходимости выбора между ним и каким-либо альтернативным порядком.

1 Сизов С.С. Утопия и общественное сознание. - М.,1988. - С.47-68.

2 Шацкий Е. Утопия и традиция. - М.,1990. - С.23, 46-69.

3 Mumford L. The Story of Utopias. - 1922. - P.22.

4 Сорель Ж. Размышления о насилии.

5 Сен-Жюст Л.-А. Речи. Трактаты. – СПб.,1995. – С.280, 285.

6 Там же. – С.280.

7 Там же. – С.305, 306.

8 Там же. – С.291.

9 Там же. – С.312-313.

10 Там же. – С.306.

11 Там же. – С.298.

12 Там же. – С.303.

13 Там же. – С.299.

14 Там же. – С.315.

15 Там же. – С.309.

16 Там же. – С.304.

17 Там же. – С.303.

18 Barere B. Memoires - Paris, 1842.

"ЮЖНОЕ ОТКРЫТИЕ" РЕТИФА ДЕ ЛА БРЕТОНА ОПЫТ ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья поступила для публикации на сайте 16 июня 2000 г.

Оскар Уайльд предостерегал: "Не стоит смотреть на карту, раз на ней не обозначена Утопия, ибо это та страна, на берега которой высаживается человечество"(1). Но таких карт в истории мировой культуры, похоже, никогда не существовало. Люди упорно, век за веком, поколение за поколением, устремлялись к этим берегам. Впереди других шли великие философы и реформаторы – Платон, Августин, Т.Мор, Ш.Фурье, Л.Толстой... А за ними - целая армия тех, кто хотел просто перенестись мыслью в идеальный мир, либо одарить человечество открывшейся ему тайной достижения всеобщего блага. Среди этих сочинений есть близнецы и антиподы, произведения поверхностные и глубокие, наивные и мудрые, ничтожные и великие. Но все они объединены стремлением порвать с реальностью, перенестись в иной, альтернативный мир.

Наиболее классические утопии, или, иначе говоря, произведения, которые чаще всего относят к утопиям – утопии места. Это описания счастливого "где-то", какого-нибудь счастливого пространства. Острова в далеких морях, Луна и планеты, подземный мир и страны, летающие по воздуху... Необычайно любопытное явление в этом плане – теснейшая связь классических утопий места с литературой о путешествиях. Связь эта на удивление всесторонняя. Она не сводится лишь к хронологическому совпадению социальных утопий с великими географическими открытиями. Можно сказать, что оба этих вида литературы проникнуты общим духом. Та же увлеченность всем новым, та же страсть к сопоставлениям, то же убеждение в том, что на свете все возможно, то же вера в существование земного рая.

Из довольно обширной литературы, посвященной подобным описаниям, остановимся на некоторых работах Ретифа де ла Бретона (1734-1806). Он был весьма плодовитым писателем, автором множества романов, новелл, драм, политических трактатов и различных проектов общественных реформ. Бургундский крестьянин, переселившийся в Париж, он знал и крестьянский быт, и жизнь плебейских слоев Парижа. Органический связанный с общественными низами, Ретиф в ответ на упреки Лагарпа и других критиков подчеркивал всегда, что высшей целью творчества считает общественную пользу. Не случайна его тесная дружба с Мерсье, знакомство с Бомарше, Колло д'Эрбуа, Сильвеном Марешалем.

Благоговейный поклонник Руссо, Ретиф был индивидуалистом, что обуславливалось в значительной мере литературными традициями руссоизма и его углубленному вниманию к внутреннему миру человека, и значительная часть его произведений в той или иной мере автобиографична, как, например, "Парижские ночи или ночной зритель" (1788-1794). Вместе с тем его творческое наследие имеет несомненный документальный интерес, будучи основано на скрупулезно точном наблюдении. В этом смысле в нем можно видеть одного из отдаленных предшественников натуралистической манеры Золя, хотя Ретиф, несомненно, стремился к реалистическому отображению действительности, к социальным обобщениям, к изображению социальных типов и явлений, что проявилось в наиболее популярном его романе "Развращенный крестьянин или опасности города" (1775), на руссоистскую тему столкновения порочной цивилизации с добродетелями "Естественного человека".

Любопытно приложение к роману – утопический устав вымышленной земледельческой коммуны. Мечта о "золотом веке", о коммунистических ассоциациях не оставляла Ретифа и в дальнейшем, и наряду с произведениями реалистически-бытового плана ("Современницы", "Французенки", "Парижанки" и др.) , где он проявляет себя предшественником Бальзака в не меньшей мере, чем автор "Картин Парижа" Л.-С. Мерсье, писатель снова и снова обращается к идее коммунистических ассоциаций. Особенно подробно развивал он утопические перспективы счастливого бытия объединенных тружеников в серии книг под общим названием "Странные идеи" (1769-1789). Две последние книги серии ("Андрограф" и "Тесмограф"), являясь проектами всеобщего оздоровления нравов, позволяют видеть в их авторе предшественника

социалистов-утопистов XIX века, в частности Фурье(2). Утопический роман Ретифа "Южное открытие, произведенное летающим человеком или Французский Дедал" с приложением "Письма обезьяны" (1781) является тщательно разработанной картиной эгалитарного социалистического общества, воплощающий близкий к воззрениям Руссо идеал жизни в природе, далекой от лживой развращенности цивилизации. Идея "летающего человека" связана с античной традицией, но если летательное приспособление античного умельца Дедала привело к гибели его сына, то крылья героя Ретифа становятся средством достигнуть "золотого века", а по технической оснащенности далеко оставляют за собой лебединую упряжку Гонсалеса, во многом не уступая летательной машине Сирано. "Южное открытие" – один из последних и характерных романов XVIII века, в своих истоках восходящий к "Истории севарамбов".

Внешним обрамлением утопии Ретифа является сентиментальный любовный роман, разрабатывающий в духе "Новой Элоизы" проблему мезальянса. Сюжетным стержнем первой части романа является история любви крестьянина Викторина к дочери своего сеньора Кристине. С помощью своего таланта (изобретение летательного аппарата) юноше удастся преодолеть сословные преграды и достигнуть цели.

Но роман о любви сплетается с романом-путешествием о поисках новых земель и установлении идеального общества. В любовную историю вступает утопия: сначала идеальная община на вершине Непрístupной горы, затем эгалитарный строй на острове Кристины и, наконец, коммунистическое государство мегапатагонцев, как высший завершающий этап.

Утопия Ретифа имеет двойственное обрамление, причем, внешняя рамка явно продолжает традицию Вераса, сделавшего такой рамкой рукопись, якобы попавшую ему в руки. Но автор "Южного открытия" с его стремлением к реалистическим зарисовкам прибегает также и к традиции Чосера и Боккаччо. Рассказчик (он же автор) не довольствуясь сообщением о встрече в дилижансе, идущем в Париж, с неким таинственным незнакомцем (внук Викторина) и сопровождающей его обезьяной в человеческом платье, набрасывает также ряд реалистических портретов случайных попутчиков. Сблизившись с незнакомцем и поведав ему о своей профессии "автора скверных произведений", рассказчик узнает, что его новый знакомый – француз, но родившийся в южном полушарии не на открытом еще острове Кристины под 00° широты и такой же долготы. Если Свифт нарочно подчеркивает мифические координаты земель, посещаемых Гулливером, то Ретиф откровенно неточен. Обрадованный встречей с литератором, который может придать его удивительным сообщениям необходимое правдоподобие, южный человек говорит, что они тщательно скрывают расположение своей таинственной страны, чтобы спасти ее от колониального гнета европейцев. Поэтому всех потерпевших кораблекрушение у их берегов они задерживают навсегда, представляя им право гражданства наравне с местным населением, отдельные представители которого в крайне редких случаях (как и у Вераса) могут покинуть пределы страны. Южанин сообщает рассказчику, что хотел бы сблизиться с Вольтером и Бюффеном, чтобы унести их с собой. Похищение Руссо уже состоялось, хотя все думают, будто бы автор "Эмиля" погребен в Эрменонвиле. Такова рамка романа, сюжетным стержнем которого становится любовная история, причем, любовный мотив сплетается с мечтой о таком мире, где существовало бы "естественное" равенство. Эта мечта и любовь натолкнули Викторина на мысль об изобретении способа летать.

Вторая половина XVIII века была эпохой интенсивных опытов в области авиации и глубокого интереса самых широких кругов общества к "искусству летать". Хотя аэростаты братьев Монгольфье появились через два года после опубликования романа, а сообщение о "летающем корабле" Бланшара появилось с печати в том же году, что и книга Ретифа, задолго до этого в 1742 году маркиз де Банвиль сделал попытку с помощью изобретенных им крыльев перелететь через Сену. А в 1770 году аббат Дефарж объявил об изобретении "летающего кабриолета". К этой проблеме обращалась и художественная литература. В 1763 году во Франции был опубликован перевод романа "Летающие люди или Приключения Пьера Уилкинса". Повлияли на Ретифа и летательные машины Сирано, у которого в одном из вариантов такого аппарата имеются крылья, но автор "Иного света" усаживался в машину, а Викторин летает, как птица.

В отличие от Мерсье, практически не уделявшего места техническим изысканиям и усовершенствованиям, автор "Южного открытия" весьма подробно описывает и процесс поисков и сам летательный аппарат, над которым работал герой с помощью своего слуги Жака. Так в сентиментальную историю вводится мотив изобретательства с элементами научной фантастики, какой бы наивной она не представлялась с современной точки зрения. Изобретатели мастерят из дерева зубчатые колеса, сооружают из них целую систему, приводящую в движение парусиновые крылья, придающие аэронавту вид большой летучей мыши. В отличие от Сирано они не задумываются о космических перелетах, вполне довольствуясь мечтой парить над землей.

При первом опробовании выясняются непредвиденные недостатки летательного аппарата: он не обладает самостоятельным поступательным движением, может летать только по ветру, а при посадке грозит аэронавту гибелью(3). Снова начинаются поиски верного решения, и, наконец, заменив парусину тафтой и внося необходимые усовершенствования, изобретатели добились горизонтально-поступательного движения, научились подниматься и опускаться на аппарате. И все же при испытании машина сломалась, и Жак, упав в пруд, утонул(4). Автор покарал его за недостойные мысли: нанести бесчестие посмеявшимся над ним девушкам. Два года продолжал трудиться Викторин, подстегиваемый слухами о предстоящем замужестве Кристины. Он идет путем бионики (выражаясь современным языком), исследуя все виды полета бабочек, куропаток, гусей. Научившись размеренно взмахивать крыльями из тончайшей тафты и китового уса, герой снова и снова испытывает свой агрегат. Автор детально описывает это наивное сооружение, снабженное зонтикообразным аппаратом для координации горизонтального и вертикального движений, приводимых в движение ногами с помощью специальных ремней и особого колеса. Деревянный механизм не очень тяжел, и трению подвергалась только лента, с помощью которой двигался рычаг крыльев. Запас шелковых лент в карманах Викторина, чтобы менять из, не дожидаясь износа, выглядит как-то особенно наивно, с современной точки зрения. Добавление аварийного рычага, позволяющего менять ленту в воздухе, завершает творческие поиски героя, готовящегося к похищению возлюбленной(5). Здесь в роман вступает своеобразная, утопически окрашенная робинзонада. На вершине Непрístupной горы Викторин основывает нечто вроде колонии, не только перенес туда овец, кур и кроликов, материалы для построек, но и постепенно заселяя "необитаемый остров" людьми различных специальностей. Когда собран первый урожай и налажена работа ветряной мельницы, герой решается, наконец, на похищение Кристины. Завоевав неизменной преданностью ее сердце, Викторин убедил Кристину стать его женой.

В описание утопического бытия маленькой общины вплетается антимилицаристская тема в проектах Викторина: предотвращать войны, похищая их зачинщиков и становясь арбитром между вовлеченными в распри нациями. Эта тема присуща социальной фантастике Франции с момента ее зарождения, но если Рабле и Вольтер находили для нее образное воплощение, то Ретиф, как и Мерсье, разрабатывает ее путем философических рассуждений.

Любовная история превращается в утопический роман, рисуя беспечальное бытие созданной Викторинем общины. В этой "восхитительной республике", основанной на принципах свободы равенства, полностью отсутствуют пороки и процветают все добродетели, так как, утверждает автор, человек становится порочным лишь тогда, когда социальный режим настолько плох, что порок становится преимуществом(6). Законы Викторина настолько хороши, что когда община переселяется в южное полушарие на остров Кристины, там господствуют уже те же, крепко установившиеся законы и обычаи. Общим обязательным законом для кристинцев является "занятие трудом", в почете только полезные занятия, а праздность объявлена позором и бесчестием(7). Викторин решительно отвергает предложение тестя ввести дворянство, отстаивая всеобщее равенство.

Робинзонада Непрístupной горы продолжалась 17 лет, выросло новое поколение красивой и здоровой молодежи, и Викторин отправился на поиски неоткрытых земель, чтобы переселить туда счастливую общину, для которой территория на вершине горы становилась слишком тесной. Так возникает тема путешествия в неизведанные страны, и роман приобретает жанровые черты романа-путешествия, связанного с традициями

Вераса и Дефо. Воздушные разведчики находят в южном полушарии на меридиане Франции остров таких размеров, как Англия и Ирландия вместе взятые, и называют его именем Кристины. Неудивительно, что Ретиф избрал местом действия второй утопии южное полушарие, так как в XVII-XVIII веках, в эпоху бурного развития торгового капитала и колониальных захватов – южное полушарие, наименее изведенное, служило излюбленным месторасположением для утопических романов. К тому же во второй половине XVIII века, в связи с путешествиями капитана Кука в самых широких кругах европейского общества наблюдался повышенный интерес к новым открытиям в южном полушарии, о котором ходили невероятнейшие слухи.

Воздушные робинзоны во время очередного облета новооткрытого острова спасают экипаж и часть груза французского судна. Они предлагают спасенным основать здесь колонию, а потом к ним должны будут присоединиться обитатели Непрístupной горы. Продав захваченные в копиях Голконды алмазы, Викторин покупает корабль, на котором увозит всю общину, а также специалистов разных областей знания, убедив их уехать якобы в Кайенну. Он скрывает координаты острова, нарочно не берет компаса и ведет корабль, подобно Кастору и Поллуксу, за веревку, привязанную к мачте. Фантастика приобретает здесь сказочно-наивный характер, близкий Рабле, но без присущего ему нарочитого неправдоподобия.

Прибыв на остров, все трудятся, не покладая рук, воздвигая дворец и удобные жилища поселка на 3000 жителей. Ретиф, подобно Свифту и Мерсье – враг колониализма, с восхищением рисует глубоко гуманную политику Викторина по отношению к незащитным аборигенам острова Кристины, с которыми его сограждане находятся в дружеских отношениях(8). Через несколько лет островитяне уже ведут торговлю с соседними островами: Патагонией и Метапатагонией. Жители Патагонии – великаны в 12-15 футов ростом, отличаются удивительной кротостью. Следует отметить, что со времен Рабле в утопической и фантастической литературе идеальными народами и героями оказываются именно великаны: жители Бробдингнега (Свифт), обитатели Сатурна и Сириуса (Вольтер) и, наконец, патагонцы и метапатагонцы Ретифа. Отголоском этой традиции служит "Пища богов" Г.Уэллса, мечтающего об обществе без пороков, которое построят мудрые человеческие гиганты.

Утопия Ретифа проходит как бы несколько ступеней развития. Первый этап – община Непрístupной горы и колония на острове Кристины – нечто вроде симбиоза республиканских устроев и просвещенного абсолютизма (Викторин и Кристина – идеал философа на троне). Вторым этапом является Патагония – высшая ступень, к которой стремятся кристинцы, добровольно отрекающиеся в конце концов от каких-либо суверенных прав. Наконец, коммунистический строй Метапатагонии – третья и высшая ступень – тот идеал, к которому необходимо стремиться.

Мораль метапатагонцев в высшей степени эвдемонична. Все стремления их направлены к тому, чтобы избегать неприятные впечатления, и воспринимать все те, которые вызывают приятные ощущения. Вследствие этого у них существует основной закон, согласно которого, целью общества является максимум наслаждения для живущих в нем индивидов. Таким образом мораль их заключается в том, чтобы кратчайшим и свободным от помех путем добиваться средств, ведущих к благоденствию. Но необычайную устойчивость этой морали придает то обстоятельство, что она не предоставлена, подобно европейской, капризу каждого отдельного человека. Благодаря равенству и общности, она действует целесообразно и открыто. Равенству обязаны счастливые метапатагонцы отсутствием судов и преступлений, а также неизменно процветающей добродетели. Вот почему метапатаговец Ньюффоб (Бюффон) рекомендует посланцам Викторина написать на воротах Кристинвилля: "Без совершенного равенства, нет добродетели, нет счастья"(9).

Рисую Метапатагонию, Ретиф прибегает к ставшему уже традиционным приему: потрясенных чужеземцев поучают, показывая им обычаи, законы и достижения в различных областях. У метапатагонцев никто ничего не может присвоить себе в собственность. Молодежь работает и ведет полезную, деятельную жизнь, старики же пользуются покоем, и по большей части им вверяется руководство делами. Так как работают все, то труд отдельных личностей не велик. Наоборот, он является удовольствием. День метапатагонцев делится на две части: двенадцать часов сна или

или вообще покоя, и двенадцать часов общественной деятельности. В первую половину дня они принадлежат себе и своей семье, во вторую - обществу. Работа продолжается четыре часа, затем все собираются в больших столовых для трапезы, которая приготовлена другими гражданами. После этого наступает отдых, длящийся полтора часа, который необходим в жарком климате. Послеполуденное время до самого ужина посвящено разнообразным общественным развлечениям, по окончании которых каждый гражданин уходит с женой и детьми домой и проводит остальные часы дня в тесном семейном кругу. Работы распределяются представителями кварталов между гражданами, сообразно их способностям, и даже философы обязаны сделать свою четырехчасовую работу, а только потом предаваться своим частным занятиям. Никто не должен быть принужден делать одну и ту же работу, наоборот, граждан принуждают менять ее. Но если работа нравится, то допускается продолжать занятие ею. Более тяжелые работы, которые ведутся вне дома и требуют большого напряжения сил, предоставлены мужчинам; более же легкие работы исполняют женщины. Таким образом, работа является для метапатагонцев развлечением и забавой, а забава служит у них вместо поучений(10).

Отношения полов у них вообще отличаются большой свободой, и этому обстоятельству Ретиф приписывает отсутствие всяких нарушений брака. Каждые два года супруги могут разлучаться, так как женщины должны в течение второго года кормить ребенка, если таковой у них родиться. Мужчины же имеют право, уже в то время когда жена кормит ребенка, жить с одной из девушек страны. Все незамужние, равно как и беременные, и кормящие матери, живут в общих домах, отдельно от прочих граждан. Когда детям исполняется год, они переходят в руки государственных воспитателей, которые выбираются из достойных граждан государства. Звание воспитателя пользуется со стороны всех величайшим уважением, на общественных праздниках им отводятся лучшие места. Молодежь вступает в брак по достижении определенного возраста: для девушек это 25 лет, для мужчин – 50, так они живут намного дольше (до 220 лет). В изображении положения женщин проявляется до болезненности развитая галантность Ретифа. Женщину он рассматривает как пол, подчиненный мужчине, хотя это подчинение не рабское, как у других народов. С детства девушку учат, что она создана для мужчины, а мужчина для отечества. Задача женщины в идеале Ретифа – служить источником наслаждения для мужчины(11).

В области искусств автор "Южного открытия" оказался суровее своих братьев-утопистов: в Метапатагонии нет театра, а живопись и скульптура не пользуются успехом. В почете только музыка и поэзия, а также поучительно-развлекательные рассказы, а сочинители именуются воссоздателями разума(12).

Остров метапатагонцев напоминает Францию, но только в миниатюре, и к тому же там все диаметрально ей противоположно. Ретиф как бы предвосхищает сатирический прием, к которому прибегает Баттлер в сатирическом романе "Эреуон". Столица Метапатагонии называется Жирап (Париж), а имена ученых расшифровываются подобным же образом: Ордид (Дидро), Ретьлов (Вольтер), Оссур (Руссо) и т.п. Причем, иерархия писателей и литераторов диаметрально противоположна французской (буфонадный прием, идущий от Рабле): на первом месте оказываются мелкие литераторы типа Фардо или Нугарэ, а Вольтер и Руссо причислены к малоизвестным. Этот прием становится средством осмеяния ненавистных Ретифу литераторов и критиков, которых он "возвеличивает", клеймя злой иронией.

Летающие люди восхищались всеми учреждениями метапатагонцев и решили перенять их и установить такие же на острове Кристины путем постепенного улучшения старых законов.

"Южное открытие", вышедшее в 1781 году, хотя и было быстро раскуплено, не переиздавалось более и прошло почти незамеченным. Только аббат Фонтеней в "Провинциальных афишах" охарактеризовал его как самое причудливое произведение, а также "Корреспонданс литерер" язвительно отметила "Бредовый" характер книги, назвав ее нелепой и утомительной. Ретиф справедливо счел себя непонятым, хотя отчасти и радовался тому, что его поняли только немногие, в результате чего он избежал репрессий.

Роман Ретифа, оставаясь характерной для века Просвещения социальной утопией,

вносит все же в пределы жанра значительные элементы научной фантастики, в какой-то мере предваряя авантурные романы-путешествия Жюль Верна.

1 Уайльд О. Полное собрание сочинений. – М., 1912. – Т.2. – С.322.

2 О серии произведений Ретифа "Странные идеи" см. работы А.Р.Иоаннисяна: Ретиф де ла Бретон // Ретиф де ла Бретон. Южное открытие, или Французский Дедал. – М.-Л.:Academia, 1936. – С.V-XVIII; Коммунистические идеи в годы Великой французской революции. – М.: Наука, 1966 (полный текст в нашей библиотеке: http://enlightment2005.narod.ru/arc/comm_ioan-1.pdf); Ретиф де ла Бретон и французский реализм XIX века // Литературный критик. – 1936. - № 7. – С.41-70; Из истории идей утопического коммунизма во Франции в период Директории // Вопросы истории. – 1957. - № 6. – С.115-125; Утопия Ретифа де ла Бретона // Известия АН СССР. Отд. Общ. наук. – 1931. - №.2,7.

3 Ретиф де ла Бретон. Южное открытие, или Французский Дедал. – М.-Л.:Academia, 1936. – С.13.

4 Там же. – С.14-15.

5 Там же. – С.17-18.

6 Там же. – С.55-56.

7 Там же. – С.57-58.

8 Там же. – С.91

9 Там же. – С.133.

10 Там же. – С.134-144.

11 Там же.

12 Там же. – С.145-148.

Другие материалы о Ретифе де Ла Бретоне: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#restif>.

См. также публикации и ссылки, посвященные утопиям: <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p84146792.htm>.

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ ФРАНСУА ФЮРЕ НА ВЕЛИКУЮ ФРАНЦУЗСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ

Статья прислана для публикации на сайте 24 ноября 2000 г.

Тема Великой Французской революции, бесспорно, является одной из самых популярных в современной историографии. Большую роль в ее изучении сыграл французский журнал "Анналы", созданный в 1929 году Л.Февром и М.Блоком. Во второй половине 60-х годов группа историков из редакции журнала (Ф.Фюре, Д.Рише, Д.Рош, Э.Леруа-Ладюри) провозгласив "возврат к событию", выдвинуло программу "реинтерпретации" Революции.

Ее главные линии были намечены в общем очерке истории Революции Ф.Фюре и Д.Рише "Революция" (Furet F. Richet D. La Revolution. - Vol.I-II. - Paris, 1965-1966 Vol.I. Des Etats generaux au 9 Thermidor. - Paris, 1965. Vol.II . Du 9 Thermidor au 18 brumaire. - Paris, 1965). Эта работа была переведена на ряд иностранных языков и вызвала обширный спектр отзывов о себе.

Концепция, предложенная Фюре и Рише решительно отвергает прежде всего взгляд на Французскую революцию как на явление целостное, которое при всей сложности и противоречивости составлявших его компонентов обладало общим историческим содержанием.

Во Французской революции авторы различают как бы несколько отдельных революций, случайно совпавших по времени, но совершенно различных, даже противоположных по происхождению, характеру, направленности.

В своей работе Фюре и Рише подчеркивают, что революционные перемены были подготовлены высокообразованными, проникнутыми просветительской идеологией верхами - "элитами". Они считают, что в течение всего XVIII века общность идей и вкусов, светская жизнь сблизила аристократическую и буржуазную элиты. Им было свойственно одинаковое стремление к политической свободе и одинаковое предубеждение к народным массам и демократии. По мнению авторов, революция свершилась в этих просвещенных умах прежде, чем она была перенесена на общественные отношения. Деятели 1789 года были во власти духа реформ, распространившегося повсюду, независимо от того, был ли он связан с аристократическим либерализмом или с буржуазным мышлением. Следовательно, считают авторы, должно было существовать "тактическое объединение против абсолютизма", временный союз различных руководящих социальных сил в течение предреволюционного периода. "1789 год был результатом роста сознательности элиты, т.е. это была революция просветителей, поскольку идеология составляет движущую силу истории"(1).

В характеристике авторами "элиты" вырисовывается две тенденции: во-первых, она включала помимо либеральных дворян узкий слой богатых рютурье - непредпринимателей. Сложившаяся категория занимала особое положение: она была устремлена в будущее и одновременно связана с традиционными структурами. Кроме того, "элиты" могли составлять привилегированные и буржуазия в целом. В этом случае уже ставилось под сомнение истолкование революции как буржуазной(2).

Другим генеральным событием Революции явился ее "занос" ("gerapage"). По мнению Фюре, в 1789 году произошли сразу три революции. Наряду с революцией "элит", названной им "победоносной", были еще революция парижан "которые восстанут не для защиты Национального собрания и его завоеваний, это явилось лишь объективным следствием защитить самих себя"; и революция крестьян, "громко стучавших в двери буржуазной революции, которая не решается им открыть"(3).

Что касается городской и крестьянской революций, то устремления их деятелей - это эгалитаризм, обращенный в прошлое. "Они лишь подновляют старые утопии, основанные на представлении о прошлом Золотом веке. Насилие является логическим следствием невозможности претворить утопию в реальность"(4). Либеральная революция 1789 года потерпела неудачу вследствие "неспособности монархии выступить арбитром и пойти на реформы"(5), и окончательно отклонилась от своего курса в 1792 году вследствие вмешательства народа. "Gerapage" означает, что это явление не было ни необходимым для успеха буржуазной революции, ни глубоко обусловленным ей самой. "Занос" углубился в якобинское время, для которого, по мнению авторов, характерны "стеснения капиталистической прибыли" и "ущемления безопасности буржуазии". Аграрные декреты правительства установили "долговременные помехи развитию капитализма и прогрессу земледелия". В якобинской идеологии Фюре и Рише отмечали явную тенденцию к нивелированию различий, стремление сделать все и всех одинаковым. А это, по их мнению, имело мало общего с целями Революции. Отсюда вывод, что "диктатура II года несет на себе оттенок случайного и исключительного"(6).

Термидор кладет конец "gerapage" революции и ко времени Консульства французская история "окончательно возобновила свой ход, который более чем на столетие становится либеральным и буржуазным"(7).

"Революции" Фюре и Рише свойственны оригинальность построений, нетривиальные характеристики и любопытные суждения. Например, о том, что движение низов на определенном этапе революции способствовало утверждению авторитарного государства, созданию жестокого репрессивного аппарата, который к концу якобинского правления все чаще оборачивался против самих санкционеров. Одновременно якобинские власти сдержали тот деструктивный натиск, который был характерен для санкюлотского движения и грозил вовлечь страну в хаос, анархию и войну.

В 1978 году выходит новая книга Ф.Фюре озаглавленная как "Постижение Французской Революции" (Furet F. Pensee la Revolution francaise. - Paris, 1978). Интересно, что ее изложение идет в порядке, обратном ходу работы автора над книгой. Первая часть, где Фюре раскрывает суть проблемы, написана на семь лет позднее второй, концептуальной части, которая возникла в результате полемики с марксистскими историками Французской революции.

Анализируя взгляды своих предшественников, историков Революции, и отдавая им должное, Ф.Фюре, тем не менее, предлагает взглянуть на Революцию по-новому. Путь к истине должен лежать через "постижение", т.е. через детальный, почти бесконечный прогресс, где разум и чувства наиболее органично переплетены. Автор не стремится к некоему космополитическому пониманию революционного движения и откровенно замечает, что для француза не может существовать "отстраненного" взгляда на свою историю. Однако, трудно обвинить Фюре в излишней предвзятости. Его труды удачно соединяют в себе патриотизм гражданина и объективность ученого.

"Постижение..." представляет собой немалый интерес и как опыт историографического исследования. Автор обращается к литературе, пытаясь найти в ней истоки многочисленных, по его мнению, инсинуаций и искажений действительности. Причину он усматривает в откровенной "левизне" французской историографии, где идеологический подход зачастую имеет большее значение, нежели объективный анализ событий. В книге приведен подробный анализ наиболее известных исследований, как консервативного направления, так и марксизма-ленинизма. Достаточно подробно рассмотрены теории А.Собуля, К. Мазорика (см. "Революционный катехизис"), А.Токвиля и О.Кошена. В лице Собуля и Мазорика всем исследователям марксистского направления Фюре противопоставляет свой принцип трактовки событий Французской революции. " Ни капитализм, ни буржуазия, - утверждает автор, - не имели нужды в революциях для того, чтобы появиться и доминировать в истории главных европейских стран XIX века. И потому марксизм, который благодаря Жоресу проник в историю Революции, напрасно сдвигает центр тяжести самой проблемы Французской революции в сторону экономического и социального"(8). Кроме того, марксизм еще и переносит в эту сферу миф о социальном разрыве феодализма и капитализма, что Фюре также считает безосновательным. Он доказывает, что XVIII столетие было более благополучным для Франции, чем принято думать. Не было "классовых битв" между французскими "феодалами" и новой буржуазией. И те и другие читали одних философов и писателей, посещали одни и те же спектакли. Враждующие лагеря, в особенности в начале революции, формировались не по классовому признаку, а по идейному.

Автор "Постижения..." представляет Французскую революцию как арену политической и идеологической борьбы. И главные результаты Революции - это " рождение феномена демократии", "создание новой политической культуры" и установление "политической свободы".

Собственную концепцию Французской революции Фюре создает на основе анализа теорий Алексиса де Токвиля и Огюстена Кошена. Первый стал одним из основателей современной социологии, а другой, в свою очередь, находился под влиянием учения Э.Дюркгейма. "Франция создала новый тип исторической деятельности и исторического сознания. Революция - это такое историческое пространство, которое отделяет одну власть от другой и в котором на смену установленному приходит идея о роли человека в истории. Создается идеология радикального разрыва с прошлым. Теперь уже вся жизнь подчиняется этой идеологии"(9). Опираясь на учение Токвиля, Фюре конкретизирует термин "идеология". Он обозначает два явления, составляющих основу революционного сознания. Во-первых, все индивидуальные проблемы, все моральные или интеллектуальные вопросы становятся политическими и "не существует никаких человеческих бедствий, которые были бы оправданы ради человеческой целесообразности". Во-вторых, "в той мере, насколько все познаваемо и предсказуемо, способ действий для знания и морали ясен; поэтому революционные активисты отождествляют свою частную жизнь не только с жизнью общественной, но и с борьбой за свои идеи - неуязвимая логика, которая возрождает в секуляризованном виде психологию религиозных верований"(10). Отсюда возникает токвилевская теория "революционного сознания". Именно оно стало определять представления о сущности политической борьбы. Фюре отмечает главные признаки этого феномена: на смену идее монарха, олицетворявшего собой государственность, приходит идея нации, народа, становящегося субъектом всех прав. Этот сдвиг оказывает весомое влияние на последующее политическое мышление, лексикон, эмблематику. Автор показывает, как это явление проявляется в политической риторике "Каждая общественная группа, претендующая на власть, немедленно отождествляет свои устремления с волей народа и одновременно

занимается поиском врагов". Эти враги, внутренние и внешние, часто вымышленные, были решающим фактором, сплачивающим нацию. "Политика, ставшая наивысшим средством воплощения идеалов и неизбежной проверкой преданности, имеет лишь один тип общественного деятеля и множество скрытых врагов"(11). Фюре считает, что с точки зрения носителя такого сознания, у несчастий, выпавших на долю отечества, не может быть объективных причин, а всегда виноваты конкретные люди.

Что касается проблем якобинской диктатуры, то отношение к ним Фюре не изменилось. В "Постижении..." он довольно подробно анализирует психологические аспекты Террора, в его контексте личность Робеспьера, показывая синтез идеологии и власти. "Робеспьер завладел общественным мнением благодаря поражению принципа представительности, тем самым изменив "Общественному договору" в том, что отождествлял суверенитет народа с суверенитетом Конвента (на чем основывал и свой собственный)"(12). Это слияние с народом необходимо было постоянно контролировать и поддерживать не только "в качестве условия легитимности власти" но и как ее "первейший долг". Именно для этого служил инструмент террора. Робеспьер был истинным лидером Революции. Будучи "идолом якобинцев", он не участвовал не в одной акции против национального правительства. Обожаемый парижскими секциями, он заставил их умолкнуть. "Только он один каким-то мифическим способом сочетал прямую демократию с принципом представительности, поставив себя на вершину пирамиды, устойчивость которой гарантировал своим словом"(10). Фюре считает, что отношение Робеспьера к террору выходит за рамки психологии. Отношение к Робеспьеру - всегда крайность. Можно либо превозносить этого человека, либо питать к нему отвращение. Однако, проявление этих чувств бессмысленно, ибо данная оценка опирается лишь на психологическое восприятие истории. "Бессмертным делают Робеспьера отнюдь не те несколько месяцев его царствования над Революцией, а то, что именно он актуализировал самый чистый и самый трагический дискурс Революции"(10).

Полемизируя с приверженцам "теории обстоятельств", Фюре говорит, что сам террор был частью революционной идеологии как основа действий и политики этой эпохи. Общий замысел революционных групп состоял в том, чтобы "радикализировать революцию". Он же привел к власти фигуру, воплотившую "революционный дискурс". И в этом отношении политика робеспьеристов "представляет собой такой тип общественной власти, который стал возможен и логичен только благодаря революционному феномену"(15). Случилось так, что идеология воплотила в себе всю революционную политику, став единственной с правительством. "И с этого момента не остается ни малейшего пространства между идеей и властью, ни иного политического выбора кроме единодушного одобрения или смерти"(16).

В этом отношении победа термидорианцев завершила один из этапов Революции, период от 1789 до 1794 года, включавший в себя, по мнению Фюре, такую политическую жизнь, когда "идеология чистой демократии, будучи истинной революционной властью, стала, в конце концов, единственным правительством, рожденным Революцией"(17). Потом восторжествовала представительная демократия. С установлением другой власти прекратилось и господство идеологии. Политика была соотнесена с реальными потребностями общества. Социальное восторжествовало над политической иллюзией.

В 1988 году свет увидела третья книга Ф.Фюре "Революция: От Тюрго до Жюль Ферри: 1700-1880 года" (La Revolution: De Turgot a Yules Ferre. - Paris,1988). В предисловии автор объясняет, что взял указанный названием хронологический срез, поскольку лишь с окончательной победой республиканцев над монархистами в 70-х годах XIX века Франция получила режим, основанный на торжестве принципов 1789 года. "И это выразилось не только в гражданском равенстве, но и в политических свободах"(18).

Начиная анализ с событий предреволюционного времени, Фюре подробнее, чем обычно, останавливается на реформах периода абсолютизма. В духе представлений школы "Анналов" последних десятилетий он высоко оценивает деятельность министров Людовика XV, Тэрре и Мопу. Стремления последнего упразднить продажи должностей трактуются как "попытка социальной революции". В целом, по мнению Фюре, монархия XVIII века не была "ни реакционной, ни приверженной защите эгоистических интересов". Продолжая свою теорию, автор называет ее "основным агентом перемен общественного прогресса"(19). В размышлениях над самой Революцией существенно смещаются

прежние акценты. Автор мало касается народного движения, а формула "gegarage" революции в 1792-1794 годах, занимавшая когда-то в его концепции одно из центральных мест, теперь не применяется. При этом, однако, сохраняются отрицательные оценки: историк упоминает о санкюлотском и якобинском экстремизме. Что же касается непосредственно самой якобинской диктатуры, то Фюре считает, что с этого времени Революция перестает быть средством установления новых порядков с помощью законов, а существует ради самой себя. Неблагоприятный ход дел связывается, преимущественно, с военными поражениями(20). Вообще, у Фюре война становится неотъемлемой частью Революции. По его мнению, продолжая войну, революционные партии подготовили собственное падение. Победы сделали гильотину и диктатуру ненужными, привели к краху Робеспьера и его соратников.

Интересно, что в данном исследовании лидер либералов отказывается от обычных для его работ аналогий между якобинизмом и коммунизмом во Французской и Русской революциях. Ряд последних статей Ф.Фюре касается якобинской диктатуры и различных аспектов ее политики. Он повторяет тезис о вере якобинцев во всемогущие силы политики и их волюнтаризме(21).

С оторванностью якобинской идеологии от реальной жизни он связывает и особенности террора(22). Фюре указывает на парадокс: летом 1793 года активность Революционного трибунала была минимальной, в то время, как военное положение Республики было необычайно сложным. Зато жестокие репрессии обрушились на то время, когда опасность миновала.

При изучении продовольственного курса якобинцев Фюре акцентирует внимание на его недостатком, связывая их с эгалитаризмом вождей и их стремлением "превзойти Революцию, пытаясь распространить принципы равенства на реальные условия жизни людей"(23). Во многом это вызвано и исключением Фюре якобинского периода из общего контекста Революции. Как и в других работах, он противопоставляет период якобинской диктатуры началу революционного переворота. "Либералы прославляют 1789 год, оспаривают или сожалеют о 1793, или, что ведет к тому же, дорожат итогом Революции, а не ее ходом"(24).

В заключение можно сказать, что для Ф.Фюре стало традицией при сохранении в главном прежних взглядов, видоизменять, порой существенно, саму концепцию Французской революции. Если в "Революции" и в "Постижении..." присутствует масса категоричных суждений, то в дальнейшем они теряют свою эмоциональную окраску. Им на смену приходят взвешенные, обоснованные выводы.

Интересны также историографические аспекты работ Фюре. Подробный анализ, сравнения, полемика с известными историками, придают его работам ценность аналитического исследования. Надо заметить, что критикует автор своих оппонентов со свойственной французской школе элегантно, без прямолинейного догматизма и с соблюдением всех литературных приличий.

В целом, исследования Ф.Фюре о Французской революции занимают значительное место в современной историографии.

1 Furet F. Richet D. La Revolution. Vol.I. Des Etats generaux au 9 Thermidor. - Paris, 1965. - С.138.

2 Furet F. Faut - il celebrer le bisentenaire de la Revolution francaise? // L'Histoire - 1983. - № 52. - P.84.

3 Furet F. Richet D. La Revolution.Vol.I. - ?.106, 120.

4 Ibid. - P.297, 302.

5 Ibid. - P.263.

6 Ibid. - P.205, 209-211.

7 Ibid. - P.358.

8 Фюре Ф. Постигание Французской революции. - СПб.,1998. - С.28.

9 Там же. - С.32, 34.

10 Там же. - С.34.

11 Там же. - С.35.

12 Там же. - С.68.

13 Там же. - С.68-69.

14 Там же. - С.69.

15 Там же. - С.77.

16 Там же.

17 Там же. - С.78.

18 Furet F. La Revolution: De Turgot a Yules Ferre. - Paris, 1988. - P.8.

19 Ibid. - P.24, 26, 30-31, 36.

20 Ibid. - P.118.

21 Jacobinisme // Dictionnaire critique de la Revolution francaise. Paris, 1988.

22 Terror // Ibid.

23 Maximum // Ibid.

24 Gouvernement revolutionnaire // Ibid. - P.584.

Другие материалы о Ф.Фюре: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#furet>.